

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

№ 23 (901)

ДЕКАБРЬ 1964

В эфире — «Юность»

СЕРГЕЙ ЛЬВОВ: «ВЕЛИКИЙ БРЫКИН»

«Романтик» № 7

Время раскрывает тайны

СМЕНА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Год издания сорок первый
Выходит два раза в месяц

Новомир ЛИМОНОВ
Фото С. ПЕТРУХИНА

Вентспилс

Когда затихает море, на отшлифованном штормом песке можно найти желтые и коричневые теплые камушки янтаря. Мальчишки бегут по пляжу, расшаривают камни водоросли и дарят кусочки морской смолы красивым курортникам. На память о Янтарном море.

В городе все связано с морем. Улица Якоря, улица Волны и улица Пароходов. И гостиница в городе называется «Янтарное море», и длинная улица, обтекающая экспортный район порта, повторяющая все изгибы Вентпы, носит прозрачное и звонкое имя: Дизитяру — Янтарица.

Этот «маленький порт» видит много кораблей. Гордо и величаво несут свои ободранные лампы бок траулера и рефрижераторы, расталкивая маляжничью меду Вентпы слышание близкой танкеры, плывут мимо рыбокомбината, мимо просмоленных выволоченных на берег ботов сухогрузов под цветистыми флагами.

— Я «Луиза». Прощу разрешения войти в порт.
— Я «Ула Даниельсена»...
— Я «Гретхен Михалер»...

Иностранцы швартуются в импортном и экспортном районах порта, и круглые сутки грохочут над ними лебедки и краны.

Капитаны и матросы прогуливаются по тихому городу Вентспилсу, а вечерами идут на Дизитяру, 20, в интернациональный клуб.

«Леонидес» принимает эстафету

«Леонидес» сорнизировался по двум мялкам — по морским вортам — и его борта отразились в нефтяных пятнах на поверхности Вентпы. Впервые команда сонла из советской берты и уверенно зашла в интерклуб, как будто уже знала дорогу.

Капитан был настроен торжественно и чинно. Он вручил гадеребрище букетик голландских тюльпанов, поцеловал рубчик Айне Ленстес, сидевшей в призывной над учебником английского языка,

и попросил аудиенции «самого главного Друга моряков Балтийской и Средиземноморской линии». На капитана была возложена ответственная дипломатическая миссия.

— Я хотел бы видеть — как это по-русски! — коллектив интерклуба, — твердо сказала капитан.
— Айна, зайдка на минутку! — крикнул Субатинеск по-латышски. — Здесь хотят видеть коллектив.

— Вот это почти весь наш коллектив. Остальные придуто только вечером. После основной работы, — объяснил он капитану.

— Ага, — догадался тот. — Это у нас называется общественники! — Он выпрямился перед Айной и Валтерсом. Левую руку с фуражкой козырьком вперед он прижал к бедру.

— Я рад у тебя, — начал капитан, — что мне оказана высокая честь передать горячие пожелания кол... коллективу интерклуба от Голландской королевской фирмы, от капитанов теплохода «Агрос» Кенгита и Карста и от всех голландских моряков. Мне поручено передать в качестве сувенира от королевской фирмы вот этот вымпел, а от моряков «Агрос» — флаг с главной матчы.

Капитан перевел дух и улыбнулся. Трудная дипломатическая миссия завершилась. Он обменялся сел в глубокое кресло.

— «Агрос» ходит сейчас на Средиземном море, — сказала капитан. — Но если бы вы знали, как аргосцы дрались за Вентспилс... Подвоя их техника на Балтике встречается льды, а у старой коробки слабые борта. И бой с «Агросом» выиграл я. — Капитан еще шире улыбнулся и похлопал себя ладонью по груди. — Фирма решила не рисковать. Но дрались они за ваш город, как львы.

Директор интерклуба был, конечно, польщен.
— Но почему же так бороться за Вентспилс! И город ваш небольшой, и погоды хорошей мало. А на Средиземном море — сплошная эскотика...

— Знаете, — голландский капитан задумался. — Может быть, вам полезно знать. Моряки в Других странах, кроме портовых кабаков и, простите, публичных домов, не могут никуда пойти. Морские клубы — реального назначения. Матросы

нигде не могут получить личных контактов. А это уже надоело вот так... Он провела ребром ладони по горлу. — Аргосцы говорили, у нас здесь все по-домашнему. Мен-та-а-лет. Мы пригнали у «Агрос» эту эстафету и надеемся, что тоже будем друзьями, — решительно закончила капитан.

Айна Ленстес повела его в библиотеку — капитан «Агрос» Ян Карст просил прислать книги о Советском Союзе.

Корабль «Агрос» под бледно-голубым флагом голландской королевцы влетал в порт по дивно знакомому фарватеру. Если бы это была шаруниек, можно было, не отклоняясь от традиции инсталей-маринистов, сказать, что «Агрос» влетает на весь парусах. Свободные от вахты матросы прогуливались на верхней палубе, и пока судно несло к своему причалу, матросы приветствовали встречные буксиры, пожарные катера и старых корабельков, стоявших со сверлами и молотками возле черных, выволоченных на берег ботов. И старые корабельные мастера приподнимали плащ и прощажали теплоход взглядом. Старик умел различать и ценить дружбу. Капитан Кенгит и капитан Карст сжимали в знак этой дружбы фуражки с полотняными чехлами, а чиф-стюард Ван Клаверен сохлал на свои белоожиженные пальцы аккордеон и вопреки строгим морским обычаям напирывал триумфальными марши.

...Сейчас в устье Вентпы входит преиниик «Агрос». Входит он чуть медленнее, менее решительно. Но старик отхламывает свои сверла и провозгласит «Леонидес» светлыми глазами.

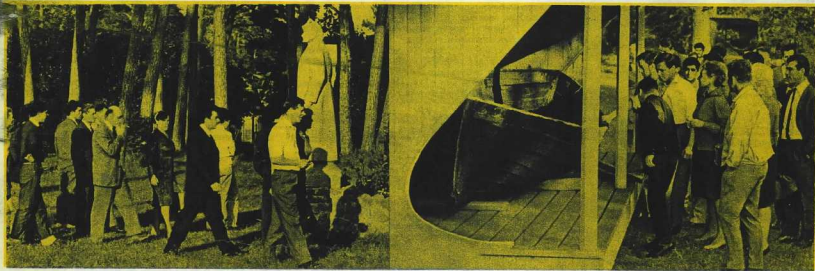
Как-то раз команда с «Агрос» ошеломила тихий город Вентспилса. Она привезла тигра. Поскольку погода была сырая, а тигр встелтил бенгальский, а не усуринский, он и одет был сообразно погоде. Тигр выныгивал рядом с капитаном Кенгитом в теплых чулках. Слышу его покрывала полова из старой морской шивона.

Капитан Кенгит передал поводок опасному представителю Таллинского зоопарка и пригнул руку к сердцу.

— Это в знак дружбы. От зоопарка города Амстердама.

Дзинтару, 20..

Зашло однажды в Вентспилс ирландское судно «Амаль». Капитан идти на берег почему-то опасался, но отпустил и команду. На борт поднялись ребята с «Аргоса» и долго убеждали капитана и офицеров, что никакой здесь «политтики» нет, что они десятки раз в Вентспилсе и, как видите, живы и здоровы. И вообще, как известно, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

И шофер клубного автобуса Роберт Штаммерс новизн переключил по городу, и вместе с Айной Аенсте голландские ребята говорили о древнем Вентспилсе так, будто это их родной Амстердам. Что основан он в 1340 году. Что здесь — один из редчайших на всех морях музей старых рыбацких

промыслов... И перевели с латышского надпись на камне в нерокрепении адмиралтейских якорей: «Тем, кто вшел свою могилу на дне моря». Такие надписи понятны каждому, независимо от того, блудает он в северных или южных широтах. Ирландские моряки тогда все удавались! «Как, у вас здесь все национальное? И дети учатся в латышских школах? И медицинское обслуживание бесплатное?» А голландские моряки со смехом напоминали: вы же на советской земле.

...Новый год принято встречать в кругу семьи. А если до дома тысячи миль? Что ж, пусть станет твоей семьей порт, куда завесил тебя переменчивые ветры. Если Новый год заставит тебя

в Вентспилсе, тебе будет легко и хорошо с ними, с новыми друзьями.

В залах интерклуба сдвинули столы. Под тяжелыми доншыками бутылок крахмально хрустели скатерти. В самом большом зале сверкала сажа. У пира стояла «Катерина Колкман» из Запада.

В интерклубе смотрят телепередачи и кинофильмы, играют в бильярд и дискутируют о живописи.

Капитаны и матросы с иностранных судов гуляют по тихим паркам Вентспилса, а вечером ибют на Дзинтару, 20, а интернациональный клуб.

ной Германии, и капитан Манке, «инженер» интербука, как он сам себя называет, уже пролавлял в вестибюле со старыми знакомыми. Открывшая палата его своего баланджера с «Халлом» и дегичне с «Ум Давидовичем». А встречающая гостей почти что хозяйка клуба — женщина «Агреса». И хотя почти все были в карнавальных костюмах, «маскировок» узнать было совсем нетрудно: инжениры почти джентльмены того — первого офицера и первого лейтенанта с того же «Агреса».

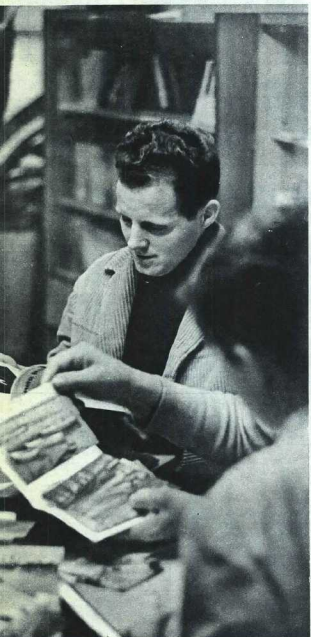
И вот, когда все размеснилось за столами, раздалась настойчивое поздравление караданом о графин, что, как известно, на всех языках плашты означает «прощу внимания».

— Встал капитан Ян Карет.

— Я поднимаю этот первый бокал, — сказал он совсем нетропом, — за русских. За советских людей, — подчеркнула он. — За место, где мы всегда как в родном доме. Пусть бокалы что угодно, а русских парней и знаю давно. Я сидел с ними в Даху. Это отличные ребята. Они спасли мою жизнь. Я шью за жизнь, которую умеют отстоять русские.

— Хорошо сказано, — раздалась другой голос. — Генер просудите меня. Я поддерживаю голандца. — Человек, поднявший стол, начал издалека. — Помните, люди строкая Вавилоноуску бышают И как все хорошо работали. И как бои, боись, что до него доберутся, переменяла людям языки. И все переставл друг друга понимать. Я не хотел бы второго такого сменения языков. Мы здесь все друг друга отлично понимаем. Я за то, чтобы мы понимали друг друга всегда. — Человек, помочал и обвел сидящих пригнуренным взглядом. — Первыми бышают офицер пилтаровской армии. Я был

Здесь можно найти любую книгу на любом языке.

награжден двумя железными крестами. Во время войны брал город, за прование которого мы сегодня живы. В Рижском заливе я был дважды торгедваром и топуш. Но с кем мы воевали? С Валтересом? Или с Биселом? И все еще чаще задаю себе этот вопрос и все дальше прачту эти кресты от моих детей. Мне стыдно и больно за прошлое будущее. Я не хочу, чтобы мне было стыдно за ее будущее. Пусть, вичу, не напоминат кресты, а на плакубо моего «Эрблека» не повисят ни одной пушки.

Капитан из Западной Германии опустил на стул руку со своей женой. Губы его дрожали.

Все говорили на разный язык, и поминала друг друга. Уточняя только детали: как по-латышски «дружественно», «спасибо», «хорошо». Вавилоноуску смешения языков не предледало.

— Утром в вестибюле почталов выгружал свою сумку. Кошачья лапка в складки. Революция. Пароходы и сухоходные компании со своим широт салав в Вентспилс, на Литвару, 20, свои подражалины. Валтерс Субатинекс повертел в руках открытку со штампом Союза кляшских лодчанин.

— А кто откуда знает про нас? Ведь лодчанины дальше своего порта не ходят...

Директору интербука не пришло тогда в голову, что яркий огонек можно видеть за сотню миль.

Бутылка с витаминами

Второму штурману силался витамин. Парамиди банок с аскорбином и алимовым соком. Грозки морских помидоров. Витамины громадился в свях штурмана црлами штабелями из коробинок с буквой «С». С озачоченой усмешкой он рассказал о своих свях третьему помощнику.

Ничего смешного не вышло, — сказала третья, подвая голову от капри, по которой проламыва курс. — Два месяца мы не видали фруктов и овощей. Вроде бы и не на Северный полюс идем, а дело плохо. Посмотрите, что будет с лодчанинами в этот порту на достоям огло подходящего. За все нужно платить валютой, а валюта шера не овалы-то раскопашался.

Цепочка огней протянулась по берегу, когда «Хладгарда Петерс» вошла в устье Венты. Капитану быстро удалось договориться с диспетчером, что судно до утра вернется и примет новый груз. Так что отпустить команду на берег не имет смысла. Офицеры, конечно, могут прогуляться. Только капитану рижскому судостроителю за «Гуге» Мелецкий зашел по дороге в бар интербука и попросил шва. Валтерс Субатинекс сидел напротив Мелецкого и с интересом наблюдал, как тот, отдуваясь после каждого глотка, достает клетчатый платок и вытирает вижкою шва.

— На спор могу выпить дюжину. Если бы утром не отход, — вздохнула Мелецкий.

Как раз в это время в бар вошла второй штурман «Хладгарда Петерса». Выходя, он скопался по полноразовой стойке и остановился на скамьях с соками.

— Шпанст Виски! Ковки! — пропела бутылечка.

Штурман качал головой. Он показал бутылечке на конусы.

— So, so and so... — сказал он. Три стакана выина три замалы, перевела дух и снова наделалась на конусы. — По-это-рить, — выговорил он старательно.

Когда штурман повернулся к Субатинексу, на лице его было удивление.

— Что такое шпанст, виски и ковки? — сказала он. Ну как витамин. Я не хотел бы быть ни месте капитана, когда вернемся домой. Команда попросту разбежится...

Валтерс поднялся в свой кабинет и принес нацучу банку с таблетками аскорбиновой кислоты. Это, конечно, не вышло, но на дворе ночь. Алкоголь закрыты. Мелецкий в это время выпрыпался у бутылечки бутылку из-под рома.

— Ты пока что задержи его, — шепнула он директору. Сейчас сперичком опарамлю. Дистр знает русских моряков.

Помочая пустой бутылкой, Мелецкий вышел из клуба и направился к себе на «Гуге».

Штурмана с «Хладгарда» ристрогал подарок Субатинекса.

— Вы такие люди... Такие люди... — бормотала он. — Ну как вы дею, что на каком-то «известном» вите витаминной? — Он любовно поглаживал на баночку с аскорбином кислотой. Он ласково попламдил. — Приду на борт и раздам команду по таблетке. Скажу: от Валтерса из интербука...

— По одной мило, — сказала Субатинекс загадочно. — Надо хотя бы по дескту.

— На «Гуге» Мелецкий раскрывал двери каюты и будил матросов. Потом он решил, что обходить каюты не имеет смысла. И добывая — Таков она была на радиоморю, отказывался и проговорил в микрофон строгим голосом:

— Вынимайте всех на борту! У кого есть какие-нибудь витаминны, просба вынести их в каюту пилтара. И добавил: — Таков дело, ребята. На «Хладгарде» без витаминнов просто беда.

К дверям каюты первого помощника тыгнался любой-нибудь рассасывала себе. Вышла матросы держали в руках коробики и склянки. Литварова бутылка из-под рома наполнялась новым содержанием.

— В клубе раздумывал от соков штурмана с витамином. — Показывай, что витаминны человек может оказать тебе каку-нибудь незначительную услугу, а тебе покажется, что сделал он великое добро. И ты уже уприснешь оба докта в яришную стола и разматывашь перед ним свою лодку.

— Дело тут не в баночке с витаминнами. У нас это так называется: менталетат. Это, как бы сказать, душевность и так. Вот я два месяца не был здесь, а вы все равно с Биселом и с Гуге в ФГТ встречна много моряков, и моряки спрашивали, не заходил ли мы в Вентспилс, в интербука. Вот какая у нас марка!

В дверях появился вахонец Мелецкий со своей бутылкой, и Валтерс толмач поспешно губел, сдерживая улыбку, когда вносил разогранный и растертый штурман три обеими руками руку первого помощника советского теплохода.

***

Почему капитаны иностранных судов борются за право захода в Вентспилский порт? Почему интернациональный клуб становится легендой на сухоходных линиях?

Почему даже незваные кляшские лодчанины считают своим долгом отозваться на такую глупость? Наверное, потому, что двухязычные сосиски на Янтарю, 20, представляет в миниатюре всю нашу страну. У матросов иностранных судов нет денег, чтобы прокатиться по Советскому берегу. Но о валютной стране они даже больше знают, у кого эти деньги есть. И моряки испытывают каждому возможность.

Капитан Мити Хакала в интербука впервые услышала музыку Развалова и кивнула английским морякам — запись монолога Гамлета в исполнении Смоктуновского. И вот Валтерс Субатинекс бегаел по городу в поисках радиоэфира Рахманинова. И посылает в Москву на запись слезную просьбу выслать номер журнала «Крутозор» с Гамлетом Смоктуновским.

Хозяйка гамбургской сухоходной фирмы «Хлам-синг» передала через капитана Шварца, что очень хотела бы почитать на русском языке «Технику Дова», а капитан на неспии Пяке попросил прислать альбом Риги. Интербука выполняла и эти просьбы.

— Оба старика — рижане, — сказала Субатинекс. — Пусть почитают, посмотрят...

В интербука не встречались иностранные моряки и советские ребята, которые хотят больше узнать о своих соседях. Они изучают в кружках английский, немецкий и испанский языки. В интербука смотрят телепередачи и кинофильмы, играют в настольный теннис и бильярд. В интербука танцуют и поют песни всех народов.

Какие это скучные слова — «лекция»... Но их умеют здесь читать завлывающиеся интересом. Читает их по заказам моряков диспетчер порта Янис Рожевский, инженер Младра Осольня. Читает каждый, кто спешиаллся в своем деле. И кто хочет, чтобы о его стране за рубежом узнали как можно больше — о перспективах Вентспилского порта, о прошлом этого интересного города, о жизни Страны Советов.

...И еще Венты ходят иностранные танкеры и сухоходы под швейцарскими флагами. Идет по этой реке французский корабль «Австрия». А там-нибудь в Марселе отдаст швартовы советская «Сона». Корабль поменялся именами. Это в знак дружбы. Флажки и вымпелы тесно на интернациональной стойке в клубе. А в портах разных морей моряки и капитаны встречаются друг с другом и обмениваются впечатлениями.

— Вентспилс? Это... О! — говорят они выразительно и поднимают большой палец.

Г. Вентспилс,
Латвийская ССР.

Станислав Федотов относится к тем немногим людям, в которых «фиш» широко известна. Ему 28 лет. Он совсем недавно окончил Томский университет, работает начальником лаборатории. Сибиряк знаком с его стихотворениями, которые были опубликованы в местных газетах и журналах. Но не все знает, что Станислав Федотов к тому же и один из авторов популярной и известной самодельного эстрадного театра миниатюр и пародий — «МИП». Сегодня мы впервые представляем С. Федотова всеобщему читателю.

Станислав ФЕДОТОВ

РОМАНТИКА

Стучат поезда.
Мимо.
Мимо.
Бегут поезда
к окраинам мира.
Экспрессы...
Пассажирский...
Скорый...
Срочный...
А что,
если прыгнуть,
вцепиться в поручи
Мертво хватой.
Или хватой.
И нырнуть
в романтику
без оглядки.
Солнце глазами,
мчаться с ветром
по ступенькам рельсам километрам.
И там,
на окраине,
будут палатки.
Верные руки прикут меня.
Будут денюжки
в вечерних пальтах
после желтобелого дня.
Будут карабкайся в небо антенны,
целко
в растяжки
земля сватать.
Будут взрывать в сердцах поэмы
о галактических лбах плоти.
Будут веральные
злые полночи,
только
включить,
свататься за поручи!
Только включить!
И гудок зовет:
— Прыга-а-а-й!
— Прыга-а-а-й!
Но
мой
завод!

Мой,
строительством только значатый.
Мой от фундамента до крыш.
Контуром первых хвост означенный,
мой гигант —
он еще малыш!
Он по-детски смешно головастый,
неоформленный,
угловатый.
Как в коросте,
в строительном мусоре.
В неделях,
до боли маторных.
Зеленоземный грязью в дождь,
— он всегда для меня хорош!
Только сердце
вскрикает в бунте
против медленных,
мерных буден.
Надо сердцу —
жизни фанатику —
хоть разочек хлебнуть романтики.
Убегу я с такою дряхлостью
на какой-нибудь гидростанции.
А ребята мои останутся.
То, с кем все начинала, останутся.
Что же!
Ребята —
Они не фанатики!!
Что же!
Работа —
она без романтики!!
Я стою.
Гудки заворачивают.
Поезда но мне заворачивают.
Подставляют ступенки:
— Пригай!
Я не прыгаю.
Я не двигаюсь.
Все зовут поезда,
и пусть!
Решено:
остаюсь!

Мой далекий друг, не бывал ты
в тех задумчивых городах,
где на улицах
рядом с асфальтом
ужаеется лебедь.
Где дощатые тротуары,
лавочки вымытые,
тепло
словно в доме
таежном,
старом
чисто выскобленны полы.
Где в июле метелят хлопья
тополиных густых снегов.
Где домишки глядят исподобья
на балконы новых домов.
Да, в таком городе ты не жил,
и не знаю,
поймешь ли меня,
почему я к нему так нежен,
почему меня так манит
перелучки кривоногие,
избы с редким, скучным огнем...
Я люблю его...
Так как многое
не терплю,
ненавижу в нем.
И когда вечерами зимним
забрелю в такой квартал,
где лопчат тумачи без мысли,
крепко заперты ворота,

становлюсь под хмурое дерево
в недооверчивой тишине,
и краснею,
и пердеваляю
звукот весь,
как надо мне.
Вас катаю, избы, по бревнышку,
и под астрепанный дая шальной
к небу вырвася,
как подброшенный,
крупилобный дворец жилой.
И краснеет струна гудящая
из-под пальцев ложится в снег...
О рука моя,
будь удачлива
для хороших людей
для асе!
Пусть смеются они, волнуются,
на работу спешат к утру...
Ухожу от замерзшей улицы,
искобоню ворот и труб.
Ухожу на свою окраину,
к новостройкам всем сердцем лую.
Там ребята гоняют кранами
перепуганную луну.
Далеко свет там пропах моторами.
И прыжию поют гудки...
Там я вижу мечту,
которую
жестко забытые закнутки.
г. Томск.

Михаил БЕЛЯЕВ

МГНОВЕНИЯ

Из новой книги стихов

***

Пойдем, пойдем!
Там, вперед, березы —
И какдья, как ты, летки.
И какдья, как ты, простовосае.
Олуши — а небо облака.

Воздух —
И небо зачерпнешь ладонью
И тихо ахнешь: что за свет!
Весь в зоне,
в тонком переzone.
Здесь свет тоже двадцать лет.

Он от цветов
Задумчиво дымится...
Сживи лишь только,
Помолай —
Сорвется с места
И с тобой уличится
Весь этот белый урожай.

***

Откуда столько звуков!
Задристы,
Густы,
Над топью
И над клокочья
Ты подняла цветы.
Звенит,
В руках качаясь,
И светлы,
И теплы.
Звенит
И птичья стая
И капельки слыша.

Ты, в забытой чаще тая,
Толкаешь деревца,
И звуни
Занемает
Летящая пыльца.

***

А небо все выше, выше,
Растет,
Поднимает ели.
Я солнца
Голос
Услышал,
На солнце увидел зеленя.

Всплеснулись деревья кроны,
Метнулись речка куда-то.
Нам кажется все зеленым,
Нам кажется все крылатым.

И снева над нами
От солнца
Пошла
Крунциса...
Все злыбнется.
Тронь руками —
Все небо уйдет, как птица.

***

Пью свет —
Он в воду родника,
Подкрашенного легкой синью.
Он вновь стает по рукам
И лесом падает
И помылю.

Пью свет —
Он в пригоршине мой
Колыхнется,
Весом и звонок.
Плесну —
И стая голубей
Качнет березы прытких кроны.

Плесну —
Вспугну печальный гуд,
Своем настоящим на солнце,
И густо воды задуны,
Вокруг, как сладкие колца.

О журналистах писать трудно. Почти так же трудно, как лечить врача или катать на автомобиле шофера. Трудностей здесь возникает немало, и мы вообще отказались бы от этой затеи, если б не одно обстоятельство.

Радиостанция «Юность», о которой пойдет речь, — это не только группа журналистов, пишущих для радио. Когда мы спросили, сколько народу работает в «Юности», у работника отдела кадров [представляете себе, у работника отдела кадров!] в глазах появились веселый огонек. Он сделал жест, должно быть, сделал Колька Прутков, когда писал свое знаменитое «Нельзя объять необъятное». Штатных сотрудников в «Юности» не так уж много — как в обычной редакции. Но если быть точными, «на «Юность» работает» огромное количество людей самых разных профессий: писатели, комсомольские работники, поэты, студенты, артисты, музыканты, композиторы.

«Юность» существует два года. За это время ее голос звучал в эфире восемь с половиной тысяч часов, или 350 дней — почти год!

Чтобы эти передачи не обманывали ожиданий радиослушателей, всегда были умными, веселыми, берущими за сердце, нужны каждый день изобретательность, энергия и любовь к своему делу.

Хотя «Юности» всего лишь два года, но у нее уже есть свои добрые традиции. Одна из них — создание выездных редакций. В них входят активисты, помощники «Юности» — представители самых различных жанров искусства и, конечно, журналисты. Поездки по стране, встречи непосредственно с радиослушателями, с одной стороны, помогают проверить качество подготовленных радиопрограмм, тут же учесть замечания и предложения слушателей. С другой стороны, во время таких встреч рождаются новые очерки, стихи, песни, репортажи, из которых и создаются передачи.

В этом году выездная редакция «Юности» совершила три большие поездки: по главной улице России — Волге, по северу страны — от Архангельска до Красноярска — и по целинным землям страны. В составе редакции тысячи километров проплыл, проехал и пролетел наш фотокорреспондент В. Мишина. Его репортаж и познакомит вас с обычной работой всесоюзной молодежной радиостанции «Юность».

Говорит радио - станция "Юность"

Фоторепортаж В. МИШИНА

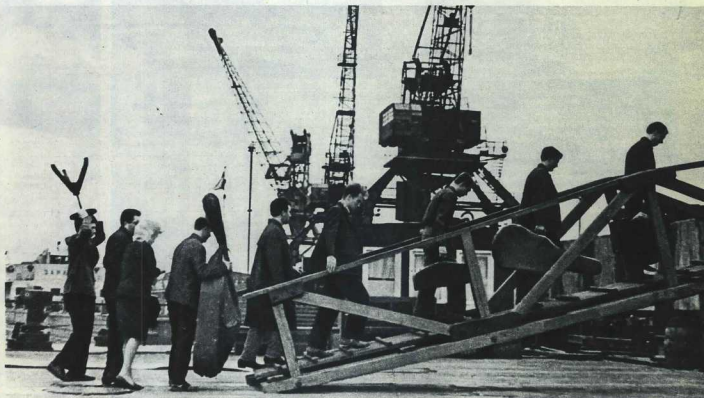

2

1

3

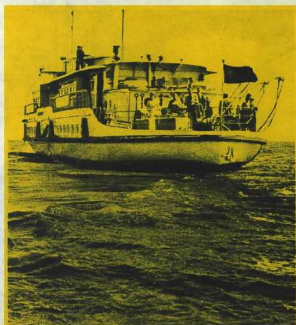

1 ...Загорелось электрическое табло: «Тихо. Микрофон включен!» И вновь вы слышите знакомые слова: «Говорит радиостанция «Юность»».

2 Резколетгия прослушала очередную программу, которая скоро прозвучит в эфире.

3 Участники звездной редакции встречаются со строителями и хвоборобами, студентами и инженерами, вошниками и лесорубами. Вот и сейчас они направляются на встречу с речниками.

4 Вдоль берегов Волги — от Ярославля до Астрахани — идет этот теплоход с очередной звездной редакцией радиостанции «Юность» на борту.

4

Так, кстати, ходят все радиожурналисты. Помимо блокнота и карандаша, что является обычными атрибутами газетного или журнального корреспондента, у него на плече 8-килограммовый «Репортер». Так что это не почталдон, хотя и «с толстой сумкой на ремне» — это обозреватель «Юности» Дамир Белов. Портативный магнитофон — неизменный его спутник. И так почти каждый день: через две ступеньки — на задание... [Фото № 1.]

Жизнь порой ставит журналиста в самые неожиданные ситуации. Вот Дима во время поездки по Волге сел на мель. Как видно, в буквальном смысле слова. Тут уж надо быть не только журналистом... [Фото № 2.]

Герои радиопередач «Юности» — люди самых разных профессий. И встречи их с журналистами бывают самые неожиданные. Минуту назад герой будущего репортажа был на

1

видеть телефонную трубку и голос редактора, который повторяет: «Скорее! Скорее!» — то вы согласитесь, что к его работе вполне применима термин «муки творчества». [Фото № 4.]

Радиожурналисты «Юности», как правило, владеют несколькими профессиями. Дамир Белов выступает в новой роли — сейчас он оператор,

2

дне морском. Теперь он «в руках» репортера. Живой голос человека, рассказывающего о своем работе — основа каждого радиорепортажа. [Фото № 3.]

В мировой литературе это называется «муки творчества». Для радиожурналиста — особые муки, он имеет дело с двумя инструментами одновременно: пишущей машинкой и магнитофоном. Если к этому прибав-

3

монтирует пленку с записью своего репортажа. Можно считать, что это последняя стадия работы. Редактор наконец сменит гнев на милость и, взглянув на часы, скажет свое магическое: «Доброй!» А корреспондент, если ему повезет, отправится домой и даже успеет послушать свою передачу... [Фото № 5.]

4

5

5

6

5

А тем временем в студиях «Юности», что на Пятницкой, 25, тоже готовятся к очередным передачам. Театральный режиссер добивается от актеров «правды жизни на сцене». У режиссера «Юности» Ирины Ельмешковой не менее трудная задача — добиться «правды жизни» в эфире.

6

В каждой программе «Юности» звучат десятки новых голосов. Но голоса этих людей вы слышите особенно часто. Это они, актеры Надежда Ананишвили и Юрий Пестовский (являющиеся и режиссерами), говоря ставшие для нас привычными слова: «В эфире — «Юности»».

7

Как всегда, в поездках по стране рождаются новые очерки, рассказы, стихи. На сцене заводского клуба — последние приоткровения, посвятившие ретинища песни, созданные в пути.

Вот и подошла к концу наша встреча с радиостанцией «Юность». Остается только сказать, что ее передачи сразу же полюбили нашей молодежью и пользуются неизменным успехом. Об этом свидетельствует и почта, поступающая во Всесоюзное радио, — 300 тысяч писем прислали «Юности» ее радиослушатели! Вот одно из них:

«ДОРОГАЯ «ЮНОСТЬ»!

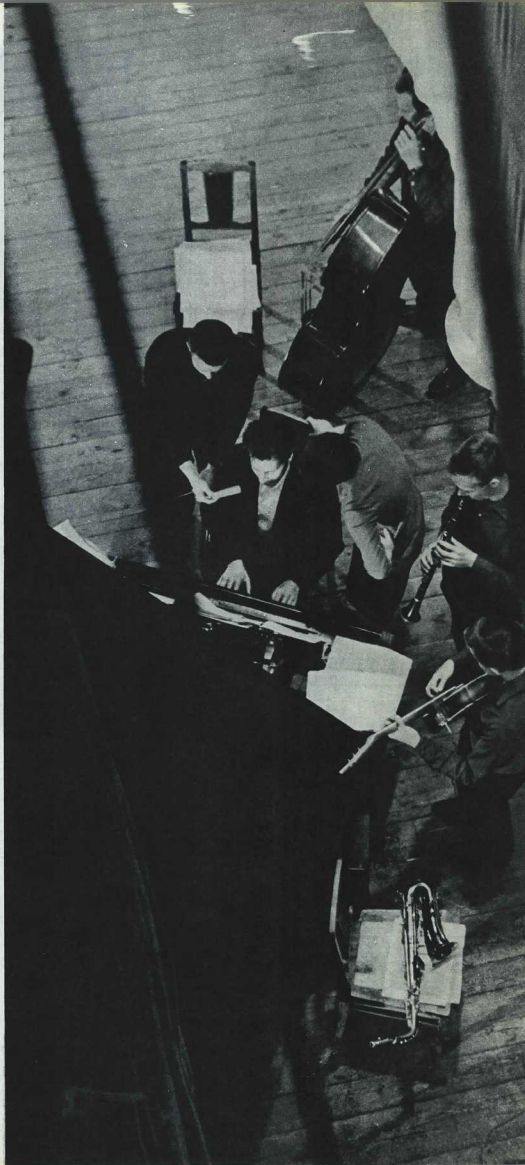
Мы очень любим ваши передачи. Вы знакомите с молодежью нашей страны, с ее делами, мыслями, настроением, умением хорошо трудиться и отдыхать. Но нас не только это привлекает в ваших передачах. Вы умеете делать их веселыми, интересными, с молодым задором и огоньком. Правда, бывают и неинтересные передачи, но, к счастью, это случается редко.

С комсомольским приветом!

Сотрудники библиотеки
многостраничных стандартов

г. Москва»

Пожелаем же радиостанции «Юность»
доброго пути и новых удач!

ПОТЕРИ

БЕСЕДА С РЕЖИССЕРОМ

ВЕЧНО ВОЛНУЮЩАЯ ТЕМА

Мы знаем немало фильмов о Владимире Ленине. Многие из них остаются лучшими страницами истории советского кино. Но вечно волнующая тема по-прежнему волнует мастеров киноискусства.

Корреспондент «Смены» побывал недавно на двух крутильных съемках в Москве и в Ленинграде, где снимаются сейчас два новых фильма о Ленине.

«Казань, 1887 год. Зимний солнечный день. На одной из улиц города встречаются Володя Ульянов и Даша. Раскрывшаяся от мороза девушка подходит к Ульянову».

— Здравствуй, Даша! — приветствует ее Володя. — Что вы там здесь рассматриваете?

— Мы биварий. Нам вы переписали торжму?

— Натер шубе арестантским халатом... Будиничко отвечает Володя, проведя рукой по шубе.

— Володя — Даша берет его за руку. — Хватит терпеть! Это не борьба. Мы решили убить губернатора Казани.

— Даша! — пытается остановить ее Володя.

— Мы можем рассчитать на вас, вы пристраивает его девушку.

— Даша, это бессмысленно! — строго говорит Ульянов. — Не так надо действовать. Этим путем вы ничего не добьетесь.

— Да вы просто трусите, — обижено протгиивает Даша.

Нет, я против бессмысленных жертв! — резко говорит Володя и, повернувшись, уходит.

Этот эпизод из нового художественного широкоэкранного фильма «Женитьба» над которым работает творческий коллектив киностудии «Мосфильм» во главе с режиссером Михаилом Ершовым. Сценарий фильма написан писателем Юрием Бальзаминовым. Новое кино рассказывает о юности Владимира Ильича, его первых суровых жизненных испытаниях, начиная с трагического известия о казни Александра Ульянова до первого выступления молодого Ульянова на знаменитой студенческой сходке. Назамского университета, первого ареста и первой ссылки.

— Главная мысль нашего фильма, — рассказывает режиссер-постановщик Михаил Иванович Ершов, — выражена в словах видного деятеля нашей Коммунистической партии Г. М. Кржижановского: «Большое счастье выпадает на долю тех, которые еще в ранней молодости находят самих себя и свои основные цели в жизни. Не в этом ли вообще и заключается главный удача жизни? Если это так, то такая удача выпала на долю Владимира Ильича Ленина в полной мере».

В фильме много прекрасных актеров — даша и ниню и молодые дебютанты. В роли Володи Ульянова снимается актер Центрального детского театра Валерий Головинков.

На киностудии «Мосфильм» завершаются съемки нового художественного исторического фильма в Польше, над которым совместно работают советские и польские кинорежиссеры. Фильм ставит режиссер Сергей Юткевич по сценарию, который он написал совместно с драматургом Евгением Габриловичем. (Отдельные главы этого сценария были напечатаны в № 6 «Смены» за 1964 год.)

Картина посвящена периоду жизни Владимира Ильича Ленина в Польше накануне и в первые дни первой мировой войны, когда он был заключен в Новоторжскую тюрьму и вывезен обмученным в шпанаже в польскую царскую правительству.

Съемки фильма начались в начале этого года в Польше. В них принимают участие известные советские и польские артисты. В роли Ленина снимается народный артист СССР Михаил Глузский. Надежда Константиновна Крупскую играет актриса Анна Лисицкая, а мать Ульянова Павловна — в остальных полях: Казимеж Русинский (исназд), Ханшот Калосинский (исназд), Анджей Падурский (следователи), Илона Кушмерская (полька) и другие.

Снимает фильм известный польский оператор Ля Власковский.

— В основе фильма, — рассказывает Сергей Юткевич, — лежат реальные исторические события, бытие; но в нем действуют и вымышленные персонажи. Разумеется, мы не были уверены, что Владимир Ильич встретился со всеми людьми, о которых повествует наш фильм. Однако мы позволили себе сильное творческое обобщение, придав тем событиям то значение, которое мы считали справедливым и обоснованным, которое дает возможность сделать фильм произведением искусства.

«Ленин в Польше» — первый советский советско-польский художественный фильм.

Вл. БАУЛИН

Фильм «Где ты теперь, Максим?» — первая полнометражная картина молодого режиссера Эдуарда Бесаяна. Но его на зовущее поименом в кино. Впервые вышел на киностудию в 1960 году, когда его учителя — класс ереванской школы, пригласили сниматься в одном из фильмов. Это первая роль определила его судьбу. Он пошел учиться в театральную студию. Затем снялся еще в одной картине — «Колда рядом друзья». А потом, в 1958 году, режиссерский факультет ВГИКа и две короткометражные телевизионные картины «Детища» и «Три часа дороги», снятые им на киностудию «Мосфильм». Дебют был удачным: обе картины удостоены премии на международных кинофестивалях. Но все равно Бесаяна считали, что его настоящей работа в кино начинается с «Колды», которую он недавно закончил.

Фильм рассказывает о молодежи трудного послевоенного времени, о первых шагах в самостоятельной жизни — первой любви, первой любви, первой разлуке, первой разлуке.

Сценарий фильма написан молодым талантом писателем В. Колотовым и мелодраматургом С. Зинаидиным.

Мы попросили молодого режиссера рассказать о и о своей первой большой работе и о том, с чем столкнулся в кино, что он думает о том пути, который прошел.

— Это разговор длинный, — сказал Бесаян.

Начать я его хотел бы со следующего: по моему термину «молодой художественный» не определяет. Пора отвыкнуть делить нас на молодых и пожилых. Мне кажется, в искусстве возраст не имеет значения. И сейчас — молодых или пожилых — отнеси Михаила Ильича Ромма, последняя работа которого признает современными проблемами и языком. А как быт с ориентацией, в 27 лет создавшим «Временские фотографии».

Навряд ли это первая и последняя — должна делаться с полной отдачей. И никаких скидок на молодость.

К сожалению, мне и мои товарищи подчас не знают той высокой культуры, которая характерна для тех режиссеров старшего поколения, как Ромм, Юткевич, Коцибин, Райман, Еремиасов.

Когда читаешь, что Козинцев защищает докторскую диссертацию как инноватор, или слышишь, как Ромм говорит об архитектуре, становится страшно, как много еще нужно работать, учиться, чтобы достигнуть их уровня.

И что его удивительно в эти часы художники — это так, неизменно напряженно и интересно они работают.

Ни одно их творение не проходит незамеченным. У каждого свой почерк, своя манера. То, что называется «собственным голосом».

Мне кажется, многие сейчас не понимают, что и потому фильмам появляются потому, что некоторые режиссеры

не имеют этого «собственного голоса». Они берутся за все. Подобно песню, который берется только за пивные, соответствующие его голосовым данным, режиссер должен точно знать свою работу, свои возможности.

Мне еще рано говорить о себе, о том, что сделано. Единственное, что и могу сказать, моей работе я отдал много сил и любви. И

«ЖЕНИТБА БАЛЬЗАМИНОВА»

Кинорежиссер Константин Волков в своем творчестве тесно связан с современной темой. Достаточно назвать такие его фильмы, как «Трое вышли из леса» и «Солнце светит всем, время летит отпуском» и «Молодо-зелено». Это серьезные, порой полные внутренних драматизма кинополенты о разных судьбах, о столкновениях характеров, о бурных и прележных наших современниках. И вот несколько неожиданная новость: режиссер обратился к русской классике. К. Волков снимает одну из ранних комедий А. Н. Островского, «Женитьба Бальзаминова». Фильм задуман как острая комедия нравов, комедия-гротеск. В картине снимается популярный актер Г. Вачин и Н. Рувальнов. В творчестве Г. Вачина и Р. Бывок, Н. Мордюкова и Л. Смирнова. Хочется пожелать успеха съёмочной коллективу и постановщику картины, которые работают в трудной и очень ответственной жанре — комедии. На фото — момент съёмок комедии «Женитьба Бальзаминова» в одном из павильонов «Мосфильма».

НА ВСЕМКАХ КОВБЮСКОГО ФИЛЬМА

Статус режиссера: — Вы обещали платить по 5 долларов за каждую сломавшую ногу. Я сломаю обе и сверну себе шею.

— Получу 10 долларов и проваляю, пока черт.

мно бы хотелось, чтобы фильм был снят весной, чтобы был периодический, чтобы люди расходились после просмотра молча, все еще оставшись во власти фильма. Я — за анонимный кинематограф, за кинематограф, который адресуется не только уму, но и сердцу зрителя.

В чем наш недостаток? На этот вопрос можно ответить по-разному. Можно сказать так: о шестидесятилетнем парене Максисе, который вынужден жить в родной го- роде, то есть, наш люди в первый год независимости не догоняли, неведома, но были только веры, силы, доброты, тепла.

Если же посмотреть шире, фильм отвечает на тот же вопрос, которым задается Тюринград: «В русском кино?»

Как известно, мюзикл есть и если наша страна сейчас сделала такой шаг вперед, то это потому, что картина нашего успеха заглядывалась еще в 1917 году.

Помимо Пловца Гатарины, рабочим, студеновским Фанкием, строителям Магнитки, мужеством людей военных и послевоенных лет.

В наших героях нет ничего особенного, они обычные обычные люди, от них нам иам и дороти.

Вспомогательным мы начинаем и концем фильма фразой «Где ты теперь, Максис?», что мы знаем, что наш герой сейчас трех лет, кто строит большой мир.

Работа над картиной закончена. И теперь мы можем сказать о судьбе. Найдите ли фильм отклик в людях? Мы бы очень хотели, чтобы нашел.

Д. ГОЛУБИНА

СОН
Главному бухгалтеру кино-студии «Объектив» приснился фильм, в котором снимается только один актер. Без костюма, декораций, грима и гонорара.

ФНАЛ

Режиссер: — Итак, в последний сцене фильма вы входите в клетку к тигру. Тигр бросается на вас...
Актер: — Позвольте, но...
Режиссер: — Позвольте, я же сказал, что это последняя сцена в фильме.

СВЕТЛЫЕ РАССКАЗЫ В ВЕСЕЛЫЙ РАЗНИЦА

Театральный актер кино-артиски.
Вам, артистам кино, значительно легче играть. Вы по крайней мере не видите, как зрители покидают зал во время сеанса.

ФЕРНАНДЕЛЬ И ЗУБНАЯ ЩЕТКА

Известный французский комик Фернадель, по воле согласия министерства образования Франции на то, чтобы его увеличенная фотография, в которой он улыбається, была использована в школах для успешного проведения кампании «Дружите с зубной щеткой».

САМАЯ КОРОТКАЯ РЕЦЕНЗИЯ

Короткий после просмотра американского фильма «13 детей доктора Липометца» в газете следующего номера: «Я был четырнадцатым».

... ТОВАРИЩИ ...

На участие интерпретации генерала Дуэча (то имя не помню) в Испании воинов-патов (Май Залпа) в начале 1937 года вошло много людей. Среди них — большой, в широченных штанах и куртках, подвываящий темной кожей, все время что-то запивавший в бляхот. Второй — небольшого роста, кустистый, худощавый. Третий — возился с громадным киноаппаратом.

Первый, с блонтоном, звали Эрнест Хемингуэй. Второго — Юрис Ивнес или работав на фильме, который шел затем под названием «Испанская земля». Главным сюжетом голливудской интерпретации говорит о войне, терпящей Испанию. А на фоне исторического материала, тема разрастания, лети проходила. Это было связано с именем Хемингуэй, самый удачный его фильм. Картина, поставленная по своим романам, он не любил.

Юный голландец Юрис Ивнес вышел с потопленным киноаппаратом на улицу в дождь. Забавно было гулять по улицам, и так же широченному неустрашимому прохожему, тесно прижимающему друг к другу под одним зонтиком, минуту еще назад, незнакомые парень и девушка. Так родился малознакомый и смешная «раздвигать» напряженный кадр несомненным наблюдением шуткой. Объектив Ивнеса уже не улыбается.

Но не только улыбаться. Юрис Ивнес киноузнался, что то прислушивается к пульсу времени, пульсу эпохи. А он сплел и рядом был сценарий. И камера Ивнеса немедля фиксирует уже, помогает омыслить событие, выбрав бескомпромиссным глазом самое главное.

В 30е годы он переживает в Советской Союз, чтобы снять фильм о Магнитогорске. С первыми залпами гражданской войны в Испании он тоже сменяет киноаппарат на винтовку. Даже он попадает, кинувшись Ивнеса, вися взглядывается в события, происходящие на этом шаге. И Ивнеса, зная колонию Нидерландов, он снимает картину — обнищение колонизаторов. Голландские голландцы, сменяются в правительстве, пришли в ярость и стрелки ему везд в страну. Значно он был приговорен к тюрьмею заключению.

После освобождения из Франции; Юрис становится для него второй родной. Невольно лет назад мы видели его поэтический, чточую грустный фильм «Сна встречает Париж», сделанный на студии Ляна Прювера, очень светлые и земные.

Но когда правительство Мала пришло его снять картину о киноафриканской республике и Ивнес снял ее, французские цензоры выстрелили оттуда все, что попало, и в рамочкой — души чиновников министерства колоний ознакомили и в Гааге и в Париже. Тем не менее картина о Мали вышла на экран, ее показывали в XII Московском кинофестивале, и она получила премию — еще одну в колоссальном награду знаменитого режиссера.

А Ивнес тем временем закончил еще одну картину — о Кубе. Фильм Карстро назвал ее «самым правдивым очерком кубинской революции».

Теперь его последняя, еще не законченная работа: фильм о ветре. О ветре? Да, такая полуэпическая картина о ветре.

Правда, это будет удивительный: «ветра-мистраль» называют его в Провансе, на юге Франции.

— Я думаю о картине уже лет пять, — говорит Юрис Ивнес. — Но никак не могу найти продюсера: никто не соглашался бросать деньги на «ветра». Несомненно, как часто бывает, все решилось разом. Я быстро начал работу сценария и начал снимать. Арман Гатти помог мне диалогам и пишет сейчас авторский текст.

Арман Гатти хорошо знаком советской публике. Его «Зачем» был удостоен Специального приза на кинофестивале в Москве.

Когда дует мистраль, мир меняется до неузнаваемости. Ветер извергает пейзаж, пригибает людей; мчатся отступающие горы, мчатся звери. Мистраль стонет и ревет, забавляется и лопет, плавает мужик, кружит голубо женщина, остро свистит в известных силах. Мы идём по лугам за ним — от Барнесона до Марселя...

Но, конечно, как и во всех фильмах Ивнеса интереснее не сам ветер, а люди — рыбаки, виноградары, горожане.

Войтенн Семенов заступил на дежурство по кухне — по лицевому, как положено говорить по уставу. Он проверил все, что лежало в кладовой и на столах, потом для порядка открыл духовку. Там стояла длинная чужинья штука: мама мать называла такую гусятиной.

— А тут кто? — спросил Семенов.
— Жаркое — ответил повар Брыкин.
— А ну-ка, достань! — приказал Семенов.
— Нура, дай дежурному попробовать жаркое! — крикнул Брыкин, не вставая с табуретки.

Младшая повариха Нура подошла к плитке, обтирая руки о фартук.
— Мне не пробовать — посмотреть...
— Нура, дай дежурному посмотреть на жаркое, — сухим голосом сказал Брыкин.

Нура достала из духовки чужиную гусятину и подняла крышку. И все, что был на кухне, кроме Брыкина, вздохнули, потому что запахло вдруг запахом неправдоподобным.

— Мясо в кореньях, — пояснил Брыкин. — Иначе называемое жаркое по-красьенски.
— По-красьенски! — анула Нура.
— Откуда мясо? — спросил Семенов. Он ничего не понимал.

— От туши, аестимо, — усмехнулся Брыкин. — В дежурство, которое вы приняли, попался горюх с мясом. Так вот это мясо от того, что было выдано на обед.

— На ужин, что ли, приготовить?
— Зачем на ужин! На ужин сегодня идет пшенная похлебка с перераженным лучком, иначе называемая хваш. А это мясо особое. И готовилось особь с добавленными кореньями и специями, какие удались достать. Тут его наняного, а вы попробуйте инаже, Дежурному — да чтобы не казнили, — сказал Брыкин и, остро прищурившись, взглянул на Семенова.

— Особь! — закричал Семенов, вырвал гусятину из рук Нуры, вывалил жаркое по-красьенски в свободную руку и приказал:

— Кухни на куки!
Нура анула.
— Надо же!

Тогда дежурный сам схватил нож и сам стал крошить жаркое. Он чувствовал, как у него во рту сбегает голдовая слюна, и презрал себя.

Семенов уже много месяцев не ел досыта. И он не хотел, чтобы с ним на дежурстве случилось то, что случилось с его приятелем лейтенантом Власовым. Недавно их вызвали в полкотал. Они думали, что уходят по рапорту, в которых просили отправить их на фронт. А вместо этого им дали прочитать письмо ПУРа. В письме говорилось, что каждый грамм довольствия должен доходить до солдат.

— Вас утверждают дежурными по лицевому, — сказал инструктор. — Это — ответственное партийное поручение. Вам все ясно?

Первым дежурил близнецов. После наряда он вернулся с кухни в камулат — они жили вместе с Семеновым, — повалился на койку, долго ворочался и спал. Потом послал Семенова в санчасть за порохами: «Дай честное слово, что не скажешь, кто кого», — а когда ему полегало, приказал:

— Обкурим!
Помня об этом, Семенов перед нарядом дал уборщице пятнадцать рублей и попросил ее, чтобы она купила ему на эти деньги что-нибудь в полевик.

— Какое это деньги, — вздохнула она, но принесла пяток вареных картошек и стакан ряженки.

После обычного скудного обеда Семенов съел это дополнение, первое за много недель (он послал деньги матери), и пошел принимать дежурство.

— Благодарю, обедать, — решительно отказался он, когда Брыкин, ничего не спрашивая, поставил перед ним полную миску кашки, чужиную жиру. Но теперь Семенов рубил на кусочки жаркое по-красьенски, чувствовал, как ему хочется мяса, и не мог себе этого простить.

Нура не решилась ему помочь, Семенов сам себе принаждал.

— В котле! — выхватил мясо в шпешную похлебку. Изрубленное мясо в огромном котле разошлось: вчерашнего нет и не заметит, с каким прилавлением ест похлебку.

Нура на кухне вскоре появилась наряд — прикормившаяся после раннего капитана с фамилией не по чину — Полковников, с орденком Красной Звезды на штыле из самого лучшего габардина.

— Ивану Никандричу! — сказал Полковников, похолодея себя друтником по сверкающим яровым спалочкам. — Все молодежь, шеф, все молодежь. — Он протянул Брыкину портсигар с толстым плевиром. — Курить! Габардейские!

Брыкин только вывалил ружью оглек из подполки и аккуратно подал его нарядному, а потом прикурил сам, даже не перебарывая оглек на ладони.

— За плевирку благодарствую, — сказал он. — Вот угостит вас немцем. С дежурного спрашиваю.

— Не ожидай! Это у вас бедность такая?
Семенов, горюх, рассказав, как нашел в духовке мясо, невременно для него скончалось от беда (кутановно, поправка ой), и как пустил его в общий котел.

Напрод захохотал, сверкая прекрасными зубами:

— Молодец! Фронтюки!
Семенов вспыхнул.
— Я еще не был на фронте.
— Все равно молодец! Студент! Из института, верно, в армию попал! Из какой? — спросил нарядно, хотя биография Семенова его совсем не касалась.

— Из института философии и литературы, — по-петушиному выткнув зудую шею, четко сказал Семенов.

— Философ, значит! Понтию. Нуно оменя Ивану Никандричу это мясо! Он такое в жизни, брат, ел и такое готовил — нам с тобой и во сне не увидать. Из чего состоял парадный обед, Иван Никандрич! Раскажи! Пусть философия посплушает!

— Ничего про то рассказывать. Кому оно теперь нуно, — крикнул ответил Брыкин.

— Угостит не меньше, словесно объяснит.
— Парадный обед, — действительно, но был нехотел, оказал Брыкин, — состоял из семи перемин: суп, рываев, иин, по-русски сказать, последующая закуска. — Тут голос его стал таким, словно он читает лекцию. — Потом антре, это что-нибудь осуществление, ор д'ар, — это вторая закуска, потом жаркое; потом антреме — легкое блюдо перед десертом, потом десерт. После десерта — черный кофе и, конечно, коньяк.

— Слыхал! — восторженно захохотал Полковников. — Наука! Это и не запоминши — записать надо. Нуно оменя Никандричу какое-то там тушеное мясо! А мне там более! Скажи, философ, тебе солоную рыбу жарить не надоело? И куряного ею корчит, а? Чего молчишь! А мы распологаи кое-чего другого добыть. Вид сидит на скамеечке местные туши. Угостит их слезаволой! Зуби бы мы с и капутской и с огурчником. Ути. На слезаволой риз. Понтию?

— Следующий раз, — звенящим от напряжения голосом сказал Семенов, — поступлю так же. В мое дежурство ни угостят, ни угостятся на кухне.

— Молодец! — снова захохотал нарядно. — Фронтюки! Из какого института, говорши?

— Из института философии и литературы, — башено повторил Семенов. — А на фронте я еще не был. И вы, товарищ капитан, это уже слышали.

— Все в свое время. На фронте без философов не обойтись. Там тебя философия подучат. А Иван Никандрич, между прочим, тоже институт кончил. Верно говорю, шеф?

— Института не кончал, а школу кончил, — сказал Брыкин. — Имею два диплома: мастер-кондитор и повар по соусам.

— И куда тебя совершенствоваться послали! — спросил нарядно, заранее радуясь ответу, который он, видно, знал наперед.

— В Париж, — ответил Брыкин.

— И как тебя там называли? — спросил Полковников.

— Брыкин Ле Гран — Великий Брыкин.

— Слыхал! Какой из тебя философ получится, студент, это покажу в сплешном тумане, а вот повар Брыкин, когда тебя еще на свете не было, уже хуварил в Париже. И кого ты кормил, шеф, а?

Капитан Полковников даже закурнулся от удовольствия в ожидании уже известного ему ответа.

Брыкин сказал скромно:

— Готовил, правда, по второй руке и на буднях Извольскому. Послу.

— Вот! — торжественно сказал Полковников и прислонился, как будто он сам послал Великий Брыкин! Своего дела артист. А ты его жарил в общем котле утюги. Фи-по-со!

— Я не философ, а филолог. А повар, если он от солдатского пайка кусок утюги, не повар и не артист, а...

— Ну-у, ты полегче, лейтенант, товарищ Брыкин не для себя старался. Для пользы дела. Имя укажи. Понтию! — сказал нарядно, и потерял интерес к разговору, пошевелив плечи. Но у дежурной он остановился и, примирительно улыбаясь, спросил Семенова: — Правду про тебя рассказывают, лейтенант, что ты организационно немецкой дивизии до завода на память знаешь?

— Положимо, не только дивизию, — ответил Семенов.

— Вот видишь! У каждого свой талант. У тебя свой: кроссворды, например, хорошо решаешь, — у Брыкина свой. А наш хозяин любит таланты, — сказал нарядно. — Он и Брыкина любит. Ути! У меня тоже кой-какие таланты имеются. Это тоже ути. Ну, бывай, фило-лог, — тшталово, чтобы не ошибиться на немском языке, выговорил он и ушел, все так же прихрамывая и похолодея после принаждения по блестящим спалочкам.

Нура поглядывала ему вслед и расмееялась. Очень уж независимо уходил шеголаватый капитан Полковников, будто появился здесь, на кухне, только чтобы спросить, где унесет Семенов да и из скольких блюд состоял парадный обед в далеком просиженном времени...

Он ушел, а Брыкин, шаркая аленками, эшагаал по кухне из угла в угол. Потом он остановился перед Семеновым.

— Значит, я вор! Ты это хотел сказать, а? Ты когда видел, чтобы Брыкин с кухни себе кусок унес, а? Когда видел!

— Я не желаю с вами объясняться, — сказал Семенов. — Занимайтесь своим делом.

Брыкин еще походил по кухне, потом отворил дверь в кладовую, вынул оттуда то, словно бы из живота, котел на цепочке, отпер замок шкафа — там хранились сбивали для белков, шприцы для крема и прочие

принадлежности, оставшихся от того времени, когда здесь была кухня санатория, а Брыкин был ее шефом. Брыкин вынул из шкафа коробочку с чаем, потяв ее над ухом, потом осторожно достал чай констанной ложечкой и поставил под ложечку ладонь, чтобы не просыпал ни одной чинни. Сказал в пространство:

— Щепотью чай не брать. Все запасы принимаем...

Июра снова удивилась:

— Нащо же!

Потом она, Барбенько отбегав полотенцем, подала Брыкину фарфоровый чайник с пшнной розой по белому фону. Носки был скреплен медным колечком. Чайник был тоже брыкинский, собственный. Шаркая ногами в обрезанных валенках, Брыкин пошел к титану, навалил кипятка в чайник, выплеснул его в ушат и медленно насыпал сахарку. Из хорошо прогретого чайника поднялся сухой парок. Брыкин, не оборачиваясь, протянул руку. Нюра вложила ему в ладонь чистое полотенце. Он накрыл чайник полотенцем и поставил его на край плиты, где было тепло, но не было жары. Потом отступая-то к живому, прикрывшего повсарским халатом, вытислил сервировочный чай.

— Именины! — сообщил он. — За торт... Сопрем...

И Нюра опять широко открыла синие глаза.

— Нащо же!

А Брыкин, следя по именован часам, выждал минуту, налил чайник на два трети кипятком, переставил его на край длинного разделочного стола, покрытый салфеткой — это были его место и его салфетка, — выждал еще три минуты, захлопнул крышку часов и, не глядя, снова протянул руку. Нюра подала ему кружку — сиянюю в белых горошинах. Брыкин медленно наклонил над ней чайник. Между чайником и кружкой выплеснула танкорокшная струя.

— Глядет ничего, — сказал Брыкин. — Не казенный завариваю, твой... Грузный, платок вытертый, сервировал Брыкин сидел на своем месте, пошатывая в оную яв диванельны — они мучились во дворе кухни, загора я клинья в узловатые пни, — покусывая кусочек сахара и кружка за кружкой чай чаю...

И все это время, пока он доставал ключич, отгирал шкаф, извлекал чайничку, тряс ее над ухом и колдовал с заваркой, Семенов ненавидел его. Он ненавидел его, но знал, что все равно придется пойти к Брыкину с бумажкой, на которой он удерживался последние пидар из продуктов на неделю: «Накладная на пищевое довольствие курсантов 1-й ротыовой ящик номер 2101». Под длинным заголовком коротенький столбик: картофеля голюшко-то, пшена столько-то, гороха столько-то, мяса столько-то, масла хлопково-го столько-то. Потом мелочью: соль, картофельны мука.

Кухня курсантов в части — вольная тайна. Но лейтенанту Семенову, преподававшему спецдисциплины, который, кроме своих главных обязанностей, раз в десять дней несет наряд дежурного по кухне, эта тайна известна. Если разделить килограммы, указанные в накладной, на число курсантов, можно увидеть, что тыловые нормы снова уменьшились. Увеличилось же приходится усиленно посылать свободу Севинфорборю. Так-то оно так, но все-таки Семенову такно подумать, как он будет стоять на раздаче, смотреть, как Нюра налиывает в каждую миску половину жидкой по-хлебки, брызгает горькое хлопковое масло, и чувствовать, что ничего не может сделать, чтобы хоть завтра порации были посыланы.

Семенов ненавидит Брыкина, но говорит уважительным голосом:

— Раскладку бы на завтра составить. Может, чего-нибудь придумаем, а? Брыкин отхлебывает глоток чая, ставит кружку на стол, кладет кусочек сахара на блюдце и равнодушно отворачивается.

— Раскладку тогда составлять надо, когда еще чего раскладывать. Что в этой бумаге написано, и Нюра сообразит. Она и сготовит. Под твоим руководством. И ты на меня глаза не выкатывай. Ты их уже на меня сегодня выкатывал — И продолжай пить свой чай.

Кухня подменяет, покуда вымчит, диванельны курятники накололи и принесли дрова, стоят в диварах, дожуруют самкурятники — самосад горит чуть не в палатах, — переманивает с ноги на ногу.

Брыкин выдерживает долую паузу, потом отодвигает кружку, медленно поднимается с места и вваливает в миску сыр из кастрюли. Кастрюля на плите раскочерилась. То арешалась на нее курятники. Их, кто в жару и не может успеть к обеду. Но по обычаю подкармливать диванельны. Против этого не возражает даже самый придирчивый дежурный: всем курятникам рано или поздно приходится помыться с дровами и после этого получить дощичку. Но Брыкин задерживает миски с супом.

— Не знаю, — говорит он, как всегда, ни к кому не обращаясь. — Не знаю. Хозяин ты теперь не я, а вот они, товарищ лейтенант. Разрешит ли? Нюра отходит к стороне: ей не нравится, что старик цепляет Семенова. Но тот отвечает официально:

— Разрешит...
— Поноричье благодарю, — тоненьким голосочком договаривает Брыкин, вскакивает с места, хватает полотенце, смакивает со стола крошки, перабрасывая полотенце через руку, подает ребятам сум с ополнутой стеной.

Шуфелевое представление надо бы оборвать, но Семенов опять делает вид, что не замечает этого.

В углу кухни продукты на завтра: рогогонный куль с торчащими рыбными хвостами, мешок с картофелем, бидон с растительным маслом, кулек с мукой для запеканки и — сегодняшний победо Семенова — часть замороженно-войной туши.

Семенов пришел в продолг выплывать продукты, капитан Полковников сидел над старым журналом, удумчиво решал и не мог решить якорсадра Семенов помог ему, и Полковников неохотно согласился часть рыбы завинять мясом. Конечно, с применением расчетного коэф-

фициента. Черт с ним, с коэффициентом, все лучше, чем рыба, про которую никто не знает, из каких она морей такая. До войны ее никто и не видел.

— Булюн? — отвечает Брыкин, едва подняв глаза.

— Вам все шуточки, — сдернивается, чтобы не закрячить, говорит Семенов. — А я серьезно спрашиваю.

— А я не шучу. Не имею обновлений. Четвертый торт, для булунона самое подходящее мясо. Хотя по книге мява прожаривать. Листие подает свалый булюн, мяне называемый «консом», нужно откружить сделать. Небольшой кусок изрубить, развести булюном и влить в основную посуду, в давном случае в котел. Отжигая покинуть, и осядет на дно, и всю муку с собой заберет. Перед подачей булюн пролагается процедить. А подавать его, например, с гречневиком.

Нюра слушает это восхищено. А Семенов молчит молот. Завтра в столовую придут роты. Одна — из штурмового городка, где курсанты учились влезать на двухметровый забор, спрыгнуть с чего, переходить через ров по бунту подползать под проволоку, бросать гранаты стол, лезть, с колена. Другая рота придет с поля, где она переживает и переползаем предодевала открытое место, а потом отрывала шапцевой лопатой стрелково-выемчик. Третья — после траншеиночного боя в полной выкладке.

Перед самым столовым они, наверно, зяуют «Кони сытые будут компаниями». И что-нибудь скажет: «Хорошо коням! Они сытые!» Все захохочут, в старшини крикнут: «Разговорчики в строю!»

Он войдут в столовую после четырех часов занятий в классе и четырех — в поле, а он подает им пустой булюн, мяне называемый «консом».

— Ну, Иван Никиандрович — начал Семенов, — вы правы: костяк тот больше, чем мяса. Кто спорит? Но я все еще прошу, придумаем что-нибудь. У нас лед в погребе есть. Может, холодец приготывить? И так, чтобы в каждой порции был хоть ломтик мяса. Можно?

— А жареное как эти лопатки будет? Бритвой? — усмехнулся Брыкин, глядя на него из того мяса холодец приготывить? — умоляюще спросил Семенов.

— Студен! — догадался Нюра. — И правда! Его из голешек одних готыват, а тут все-таки и зарез и урулка. Можно! — Она вдруг испугалась: — Конечно, как Иван Никиандрович скажут.

— Валитесь, курятники — равнодушно согласился Брыкин. — Как раз до утра хватит вам работенки...

Нюра разделала мясо. Брыкин к колоде не подошел; как сидел в своем углу так и остался. Семенов взял топор, занес его над колодой, сделал зверское лицо и, еще не опустив на колоду, хемнул. Топор взорвался в кости.

Нюра рассмеялась.

— Давите уж лучше я, Юрий Степаныч, — сказала она и испуганно поглядела на Брыкина. В первый раз, когда она назвала Семенова по имени и отчеству, Брыкин сделал вид, что не понимает, о ком идет речь.

Сразу после ужина Брыкин, ни с кем не прощаясь, ушел к себе в домик с палсидником. Здесь его поселили, когда он привез сюда из Москвы бульоную яему и стал работать шеф-поваром в санатории. В областной газете повлилась заметка про то, какой повар работает в «Зеленом Борну». Иван Брыкина улетел в первый год войны. Сана приказали. Палсидник, где Брыкин сидел смирн и борышник, зарос, неухоженный. Забор растянули на дрова. Но все-таки каждый вечер Брыкин торопился домой, грелся замком на почтовом ящиче у калитки. От сына жеюнда приходит письмо, сломанном треугольнике, в такой день — Брыкин победнее. Нюра даже, решившись его ондажды спросить, когда он пришел с письмом на кухню:

— Сын у вас тоже повар?

— Тотже! — усмехнулся Брыкин. — Кашвар! Ничего, со временем станет поваром. Он у меня в мяна. И Брыкин еще раз повторил: — Он у меня в мяна.

Брыкин ушел, а Нюра еще долго убиралась на кухне, потом вздохнула, незнотю озяла хват и косынку, повлилась по самым борышным платком, подала дежурному ургу дощечной, попросилась, будто надоть уходить. Но часик к четырем утру она снова придет — наинет готовить завтрак. А сегодешние посылки не желает.

— Придется задержаться, а? — не то сказал, не то спросил Семенов. Ему маль Нюру: кон как за день вымоталась, побледнела, и щекки с нежными ямочками запали от усталости.

Давать часа ввечера. Давнож элктростанция замолк. Кухню освещает только керосиновая лампа. Под котлом, где варится мясо, колыхается огонь. Потрескивает поленя. Тихо. Тепло. Спокойно.

А до деревни километра три лесом, да еще через пыльный овраг переходить и, едва устроив, вставать, растягивать печь, заваривать поило пороше, слушать, как кто погнетер мять. Потому, мол, не уходит Нюра со своей проклятой работы, что надеется на военного жениха. А зачер ей жених, когда войте? Чем вдоволь, целые вековую? И какой толк работать в столовой, если не то что чего-нибудь в дом — помогов поросенку и то прядсть не можеть? Сидеть в избе, материя бы помогалась. Давно, они бы себе оправдали? Пора бы понята: не молодежьная, давайди пть уеи!

Но всего того, из-за чего ей не хочется идти домой, Юра Семенову не рассказывает. Где ему, городскому, понята! Она только отвечает на его нерешительный вопрос словом «е то». Это слово у нее обозначает много. Сейчас оно означает: «Отстань, не сомневайся».

— Видеть я этого Брынина не могу! — сказала Семенов.

— Не трогайте вы его, Юрий Степанович! — ответила Нюра. — Характерный он. Заглаз глаза обиде готов не ставит. А мне одних не упрекаешь.

— Разве я его трагую? Это он как показывается, как он нас презирает. Еду, которую готовят, тоже презирает. Под шестьдесят человек. А ничего ему вспомнить, кроме того, что паршивого барина кормил да награжден за паршивый труд человеком. А Полномочия? Боевая, ранен. Завадочку получил. Сколько лет после революции прошло, а он в пенкечку себе записывает, как баре лапал, и от этих оборочных слов млеет... Откуда у него это?

Нюра принялась за самое неприятное дело: начала разделять солоную рыбу. Если бы с вечера не замочила, завтра ништо и в рот не возьмешь.

Нюра красивая. Днем, когда на кухне не завлило воды, она, не дожидаясь, покаду подвезут бочку, отправилась к колонке с коромыслом. Семенов увидел, как она возвращалась — шла по дорожке легким шагом. Вошла на кухню, одним движением, но с сильным коромыслом с плечи, опустила ведро на лавку, занесла ведро, которое слезла, потом то, которое спереди. Ведро стали на лавку без стука, и капли воды не расплескалось. И так же бесшумно и главное делала она любую работу. И даже рыбу, которая, кажется, все состоит из одной чешуи, Нюра чистит, словно это — удовольствие. При этом она так поет частушку про миного, который клялся-обещался, но пропал, уведенный подругой. И другую частушку:

Не пойду в рену топиться.
А наймусь на пароход.
Не хотел бы мне жениться,
Не догоншишь через год.

Слова частушечные, но поет она их невесело: и милый, и подруги, и паровозы, которые прощались мимо «Зеленого бора», — все это так далеко и давно, будто и не было никогда.

Семенов курит козью ножку — она стреляет длинными искрами — и вспоминает письмо от матери. Там было написано, что ополченцы, вернувшись в Москву, последний раз видели отца и брата прошлой осенью во время боя под Вязьмой. С тех пор вестей от них нет. Он думает об этом и сам, не замечая того, напевает песню, записанную в память в студенческие годы: «Ступай, говорят, иди, говорят, броди, говорят, по свету...» Слова другие, чем в Нюрины частушки, а мотив как будто тот же: вот так негрочно, невесело поют сейчас все, стоит только задуматься.

— А вы так уж очень не отчаивайтесь, Юрий Степанович, — сказала вдруг Нюра.

Раз вот так на дежурстве Семенов рассказал ей, как прощался с отцом и братом, Нюра слушала молча, слово и не слушала, но теперь, когда он устал сразу, о чем, и это так тронуло Семенова, что он взял Нюру руку. Рука у нее маленькая, крепкая.

— Хорошая ты, Нюра, — сказал Семенов.

Нюра вдруг прикрыла глаза, а когда открыла их, они были такие же ясные, как всегда, осторожно забрала у Семенова руку, рассудительно сказала:

— Очень вы по ней, Юрочка, соскучились...
— Вы про кого?
— Да про кого же! Про девушку, о которой мне рассказывали. Может, порядки посчитаете?

Неожиданно вернулся Брыкин, похоже было, хотел что-то сказать, но не сказал, подошел к Нюре, взял из таза кусок рыбы, подержал его и кинул в таз, а руку вытер.

— Другую чешу, — зло сказал Семенов. — Эту приготовить надо, чтобы есть можно было!

Брыкин ушел в кладовую, чем-то там шуршал, и Семенов чувствовал, что от этого шуршания его ненависть становится все острее. А может, попробовать пойти к Брыкину пододти? На занятиях Семенову тоже пришлось добиваться, чтобы курсытели перестали звать его мальчишеское лицо, гимнастерку третьего срока, ботинки с обмотками. К курсантам как-то нашел, а к Брыкину не может.

А Брыкин кончил шуршать бумагой, протянул Нюре кулек.

— Будешь рыбу варить, помочишь... Листа лаврового нашен осточек...
— Вот видите, Иван Никандрович, значит, можно все-таки сделать, чтобы вкусно было! — обрадовался Семенов.

— Из этой-то рыбы! — задумчиво сказал Брыкин. — Нет! Из нее вкусно не будет. Из рыбы вкусно, например, лоссиная свежая, поджаренная над углями, а из жаренки — тройная уха. Варится мясцом: варится, жарится, поджаривается. Из жаренки за рыбу не считали. Но хорошие рестораны покупали для ухи у рыбаков. И варится не как-нибудь, а на курином бульоне. С перчиком. С листиком лавровым. Со сладким луком. С зеленью. Каждой специей по приговору. Потом все эта штука выбрасывается, а в навар опускается новая рыба. Показывают: их тоже вою! И вот у этой навар опустится настоящая рыба: стерлядка или форель. Понятно, вытопленная перед самой подачей. Как только уха снова закипит, снимай ее с огня, вливай по ложке мадеры на порцию — и можешь подавать.

У Семенова после поездки на продольке, где он дважды, глядя в упор на скорую в движущихся кладовищах, аставлял пережевывать каждый килограмм скудного пайка, от рессака про уху, из которой все по очереди выбрасывается, даже голова закружилась.

— И вы это готовили! — спросил он.

— Брать не стану, — негрочно сказал Брыкин. — Рыбный стол не моя стезя. Но, случалось, готовил. И одобряла.

А Нюра, которая слушала рецепт тройной ухи, приоткрыла рот и даже забыла сказать свое «надо же!», выпалила:

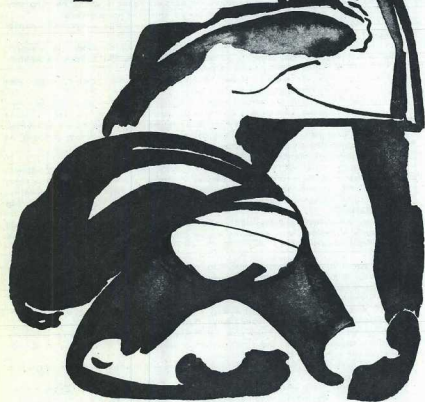
— Была бы коровка да курочка, а стовит и хозяйка-дурочка.
— Ст стовит? Испорит так дуря, а же стовит. Разве бабы можно понимать могут? Дать тебе сейчас мяса самого лучшего, филейной вырезку, всего прочего, сколько надо... Шваренишь масло на скорородку, брянешь мясо и будешь думать, что жарить. А подешь подметку либо мочалку. А мясо раскладь скорородку, кусок обсуши салфеткой, положи его на раскаленную скорородку, давай ему сварились, сверху раскаленной саламандрой — это лопаточка такая — припечет и потом дожарит с маслом. Бифитекс с кровью — самое простое из жаренки, а солидные гости всегда спрашивали его! С ним может сравниться только наше отечественное говядина по-усарски! Готовится она таким манером...

Рисунок А. НИКОЛАЕВОЙ

СТУЧИ, МОЕ СЕРДЦЕ

НОЭМИЯ ДА СУЗА
(Мозамбик)

ДАЙТЕ ДОРОГУ МОЕМУ НАРОДУ!

Влажную ночь Мозамбика
раздирает
плеч
саксофона.
Его звуки,
точно скрипы,
разрывают мне душу,
скручивают нервы.
Это транслирует радио
спиричуэл
даленого Гарлема.
Мой неизменный брат
поет:
— Let my people go!
— Дайте дорогу моему
народу!
А я открываю глаза,
и уходит сон.
Транслирует радио стон,
стон боли тысячелетий.
Я сиวนус за стол.
Я начинаю писать,
я сам,

словно талатал
кровь в висках,
будто гонг,
не перестает стучать:
— Let my people go!
— Let my people go!
И видит мой глаз:
узловатые руки мам,
забранные решетками окна
торьмы
и как из тьмы калер
выходят на рассвете
приговоренных к расстрелу.
Брат!
Я не знаком с тобой,
но боль у нас одна на всех.
И в твоих жилах кровь,
должно быть,
той же земли
по имени Мозамбик.
И ты, брат, следись,
чтобы наши сердца

отстукивали в унисон:
— Let my people go!
— Let my people go!
Пока твой голос звучит,
Я буду писать, писать,
и пусть
Бессонница не кончается!
И можно не беспокоиться,
что сможет меня учить
миншура вальсов Штрауса,
она просто
меня не касается!
Мой поем вдвоем,
мой гарлемский брат и я.
И это не плач,
не стон,
это рев гнева, приказ
рвется из наших сердец!
— Let my people go!
— Дайте дорогу моему
народу!

Перевел Н. ОЛЕВ.

Африка похожа на сердце.
Не только когда видишь ее контуры на карте, не только потому, что она пульсирует жаром экватора. Раскрываешь ли газету, поворачиваясь ли ручку приемника, готово ли трезвожно и громко стучит: Африка, Африка, Африка. Еще недавно — это Сузы, Алжир, Кongo, французская атомная бомба в Сахаре. Сегодня — это расистский призывол Феррари в ЮАР. Это Ангола — позор нашего века.

Но есть и другая Африка — Африка новых, независимых государств, взрывающихся своих цветах в пеструю карту континента. С каждым годом их все больше и больше.

1 декабря мир отмечает День Африки, и мы хотим познакомить вас с несколькими рисунками из поэтиче неистощаемого водопода молодой африканской поэзии.

БЕНДИЛИ МОЛОКУ
(Нигерия)

СВЕТ СВОБОДЫ

К чему миллионы
Улыбок звезд,
К чему цветы,
Зеленые травы,
Если сегодня
Ветер принес
Столько стонот
И горьких слез
С южного берега Африки!

К чему небес
Далекая синь,
Солнца веселые искры,
Если сегодня
Твой, Африка, сын
Бьется в сетях
Варварских сил —
В грязных руках расистов!

К чему шептание
Птиц под окном,
Если у наших братьев
Счастье, свободу
Учрели давно!

В рощах уже
Не слышно давно
Музыки зулу и банту.

Спешит седлокожий
Набить карман
Аллахом твоим,
О Африка —
А это разнот
Лишь стон и крик,
И смерть поджидает
Каждый миг
Синев твоих,
Южная Африка.

Довольно!
Их выдержали
Поля —
С востока, севера, запада
К тебе, мой брат,
Повернулась земля,
И свет свободы
Несет зари
Вам, наши черные братья!

Перевел Д. ЛОГИНОВ.

КАТЕБ ЯСИН
(Алжир)

Я НЕ ВЕРЮ ПРОРОКАМ

Я не верю пророкам!
Я даже имен их не помню!
Что мне проку
от сухих молитв!
Я завидую детям,
родившимся в полдень,
когда солнце свободы
над страной горит!
Ярче, жарче пылай,
полуденное солнце,
точно алое сердце,
что бьется в груди!
Монументы расплавь!
Опорочь чудотворцев!
Мы отыные себе сами —
боги, творцы
и царя!

Вперед! у нас жизни!
Что нам думать о небе,
когда под ногами земля
просит рук и любви!
Слишком долго с небес
поджигали
наваломом
да оковы копали и рвы!
Я завидую детям, родившимся в полдень.
Им было не поинити!
Им строить
и свята хлеба.
Так пылай, мое солнце!
Так стучи, мое сердце, над зеленой землейю,
в груди, как набат!
Я не верю пророкам!
Я даже имен их не помню!
Что мне проку от них!
Я в свободу врата отворил!
Ветер правды мне мужество сердце
наполнил!
Мы отыные себе
сами — боги, творцы
и царя!

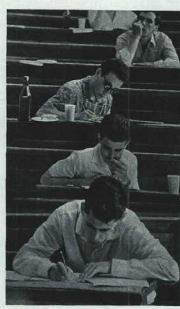
Перевел Н. ОЛЕВ.

Романтик

7

А ТВОЙ «ВЗРОСЛЫЙ ВОПРОС»?

Уходит детство босоногое

**И ДОЖДИ
В ЛАДОНИ
БЬЮТ...**

МАТЕМАТИЧЕСКИЙ МАРАФОН

**У кратера
«живого»
вулкана**

В энциклопедии написано: «Поколение — одновременно живущие люди близкого возраста. Но не только возраст объединяет людей.

В этом номере «Романтика» выступают те, кому сейчас 16—19 лет.

Они не знают друг друга, хотя могли бы учиться в одной школе, служить в одном взводе, работать в одном цехе или сидеть в одной и той же аудитории.

Летом во Всесоюзном пионерском лагере «Орленок» говорили: «А вы знаете, какие стихи пишет у нас Боря Рапорт? Он из комсомольского штаба старшеклассников в Вышнем Волочке». А Люда Аленкина осталась летом во Дворце пионеров в Москве, на Ленинских горах,—она отказалась от путевки в тот самый «Орленок», — Ведь нельзя же бросать клуб старшеклассников, — объяснила она.

Что из того, что Борис живет в Вышнем Волочке, а Люда в Москве? Отработав смену на заводе, приходил в редакцию Вадим Егоров, показывал свои стихи. Недавно он стал студентом педагогического вуза. На факультете журналистики МГУ учится Светлана Петровна. Вас, наверно, обрадует встреча с ее рассказом.

Из Выборга прислала стихи Лилия Смирнова. Мы не знакомы с ней. Мы знаем лишь, что ей 17 лет и что она учится в 11-м классе.

Шофер Лев Кершнер получил задание редакции. Но его призвали в армию. И вместо дневника таксиста вы сможете прочитать записки молодого солдата.

Авторы этого номера «Романтики» похожи и еще в одном: они пишут о том, чем живут. Прочитав этот номер, вы увидите, что стали свидетелями литературного и публицистического дебюта вступающих в самостоятельную жизнь.

просторной комнате с огромным, во всю стену оном шухом.

— Ребята, давайте продадим страничку журнала до конца... Вытаскает навестить поройон Оля Берднер, наш председатель, и в наступившей тишине перечисляет уже напечатанные странички.

— Они не написаны чернилами. Наши странички — это встречи с живыми людьми во Дворце пионеров. Я не слушаю, потому что помню весь план наизусть, а думаю о нашей председательнице. Оля пришла во дворец три года назад, когда ее слезы приятно пахли масляной краской, а возле занурных корпусов уже работали стрелки. Оля не просто старшая, она первооткрывательница клуба старшеклассников.

— А что мы сделаем на днях Советской Армии — спрашивает Оля.

— Генерала пригласим... чтоб вся грудь в орденах — накупил брони и сделал сарафанное лицо, говорит Саша Столпер. Но последнее его слово топит в дружном хохоте.

— Мне можно представиться, как солидный человек, и мне неплохо жить на сцене, и стало очень смешно.

А когда я принесла этот материал в редакцию, мне сказали: «Над чем же вы смеялись!»

«В самом деле, над чем? Человека не видел красиво говорить, свободно держаться на сцене? Да и важно ли это?» — подумала я, и стало стыдно. Ведь мой отец служил на иранской границе, и по-моему, по-дедски, понимал, что это трудно и опасно. Вспоминала ночью по тревоге и своим как боольшая дувала о том, что тутам может помешать пале. Я выбегала на улицу и кричала часовой: «Ну, как там дела?» А когда пограничники возвращались из марша, всматривалась в их лица. Привычные к четным и кратким командам, они охотно разговаривали со мной после долгих часов молчания на границе.

— А может, сделать литературную страничку и рассказать о молодых поэтах, погибших в войну? — предлагает Лидя Орлова. (В тотпортуэ среди опис — Орлова), поправляла массивные очки. — Вот Юган. Поэт его «Бригантины», а другие стихи не знают, вот мы и прочтем.

— Правда, я ведь совсем недавно узнала, что текст «Бригантины» написал поэт Павел Юганов. А другие его стихи? Я мучительно пыталась вспомнить что-то бы одно, но тщетно. Надо будет обязательно прочесть.

— Я хочу говорить с тобой эту страничку, — говорит Лиде очень тихо.

— И я с тобой, — вскрикивает Женя Саидлер и пересказывает мне на поближе. — Стало мнежно в Дворце насти, у меня даже есть на него.

Кто-то вспомнил, что в Москве живет автор музыки «Бригантины». Люда заклопала в ладоши. Она уже загорелась. Она вообще умеет быстро загораться, но к быстро охладевает. Хватит ли ее до конца?

— Ну, кажется, еще. Давайте по домам, по дороге уже, — говорит Оля. — Да, не забудьте и следующее разу сценарий к своим страничкам.

Мы идем по непримечному тихому, с притупленным огнем двору. Вперед, чуть согнувшись, и вбрав голову в плечи, выступают Саша Столпер.

— Надо приходить высоко поднимать голову.

— Надо начать югановскую страничку твоими стихами. Он настоятельно заставляет прислушаться к тому, что делается на сцене, — заучивчо роняет Саша.

Мы с Женей шли следом за ними, и невольно прислушавшись, я подумала: ведь Саша умеет заниматься еще и в драматической студии, так что в танцевальных режиссуры он разбирается лучше многих из нас. Но Люда возражает:

— Да ты что! Это не зазвучит.

Но стихи прозвучали и мне понравались. Я помню, на летучие Орлова читала очень просто:

Друзья, преврите ми минуту смех,
Тихоюко встаньте, руки опустите.
Словоз дыш войной: словоз двадцать лет
Наполе вой поджидает.

Она прочла еще стихотворение в тишине, а когда пришла, Оля как-то радостно сказала:

Здорово, Люда!

А мы воглажи — этим было все сказано.

Мы выходим на улицу. Зина засыпала землю хрустцами с широтом, он танцевально поблескивает от волшебного света фонаря. А свемия воздух пьянит, и хочется стать лет на пять помладше, хотя нам всего шестнадцать.

Веселая физиономия Тони залеплена сиянием. Чьи-то сильные руки подхватили Сашу Столпера (мы его зовем Саша-маленький), и он с размаху плюхнулся в сугроб. Поднялся такой шум, что с того конца площади к нам засмехив миллионеров.

Когда я была маленькой, мне очень нравилось ходить по сугробам. Каждый сугроб — тайна, вопрос, — исследователь. Теперь я выросла, мне шестнадцать, а вместе со мной выросли вопросы. И обязательно надо сделать открытие.

Мы — это Люда, Женя и я — идем по Арбату, мысли уносятся нас далеко назад, в тридцатые годы, в те годы, когда жил Павел Юган, писал стихи, ходил тихие арбатскими переулками и со своим другом Юрико Лескову. Так же, как и мы, он идем некуда, только Мора Липсий став

Соломоновичем и повзрослел лет на двадцать пять.

На наш звонок открыл высокой алуменко со светлыми сверкающими волосами. Все слова, что были тщательно подготовлены, вылетели из его рта.

Да они и не были нужны. Георгий Лейский, автор музыки знаменитой «Бригантины», друг Павла Югана, понял нас сразу.

Мы рассказали об устном журнале, пригласили Георгий Соломонович принять участие в нашей страничке. Он слушал и улыбался, а глаза оставались грустными.

Все готово: выучены стихи, продуман сценарий. Пришла пора проверить все, что мы сделали, спланировали заново, обаяна нас истерией. И мы остались один на один со зрингами-судьями. Звучат стихи, и в зале шуршуют:

— Ну слышишь мне насосное что-нибудь...
— Девушка хорошая моя, —

тихо, почти нежно читает Саша Столпер.

Резно ударяют в барабанные перепонки приглушенные смехи.

Со сцены звучит письмо Югана к Лескову:

А за нами женщины наши.

Тогда ты поймешь, что я и стихи наши.

И красоту,

И лиризм распустил...

А где-то в дальнем углу переговаривается группа ребят и девушек. Мне со сцены не видно их лиц, но чужие и ненавистные их смех и разговоры о самом дорогом для него: о друге и Югане, об их стихах — и несильным, но приятным голосом поет:

Надею говорить, и еспирит,
И любить уставшие глаза...
В фантозеросидоме дайши снем море
Бригантина поднимает паруса...

А шепот ползет с последнего ряда...

Настро, ох, как жарко от яркого света лампы, от воздуха. В висках стучит: провал, провал, провал...

Москва ложится спать. Солнце поминают фонари, уходя широкими шапками троллейбуса. Но место усталые и молчат. И мы тоже молчим.

Ну разве можно, когда ты и с собой себе первый блин всегда комом, что такие там, как «Мальчи Юган», рассчитаны на маленькую аудиторию.

Есть у меня маленькая, где написано, будто я инвалит первой группы по зрению. Судебный журнал и ночью, жалелась наверх, что в жизни моего места нет. А Юган, оном плохо видел, очень плохо. Добился счастья, чтобы его на фронт взяли разведчиком — потому счасовало.

Не успела я родиться в то время, когда он жил. Но знаю его стихи, читавшая с ним и с собой себе прислушивалась. Ведь думала так же, только слов таких хороших не подискала, какие он написал.

Понять эти стихи легко, потому что я них прора.

«Почему провалился вечер? Почему мы друг друга не помним, ведь в зале и на сцене были ровесники?» — встают передо мной мои взрослые вопросы, но ответа у меня нет.

Меня можно вытратить слезы, Люда идет, заниску губу, упирается нещадными взглядом вдаль. А ?? Ведь она не иде, оном радостнее.

— Мы прекрасно читали «Грозу», — сказала еще маленькая женщина с добрыми глазами, ведь Павла Югана.

А я опустила голову и отвернулась.

Старшая. Как старшая, проементала. Меня сияло слезы. — Как мы теперь Лескову в глаза посмотрим? Что он скажет?

Недавно я вновь совершенно случайно встретилась с Леским в метро. Я хотела рассказать ему о моем журнале, а услышав только пригласить и нам на вечер во дворец. На следующей остановке он вышел.

Вдруг захотелось встать и кинуться на весь вагон:

«Люди! А знаете ли вы, кто живет рядом с вами?»

Выает иногда, проходит мимо человек своей заурядной внешности. Посмотришь вслед и с покружением спросишь: кто он?

— Ну и ну! А Брюно-тамак, укаси!

А ты, Людмила, ты, Людмила, ты, Людмила или герой.

Я жду по двороу. Он срался весь из солнечных лучей.

Правда, Люда, когда можно זאת билеты на следующие дни все вечер?

На улице улыбаюсь-лукачу.

Я не знаю эту девушку.

— Приходи через неделю. А хочешь сейчас и на сцене?

— Значит, все-таки открыли мы для мойих нас чист свиретного что-то новое, ранее неизвестное, вываживающее. Но как тебе? Но как тебе? Тогда в зале был шепот?

Могда-то мне смеллась над генералом. Почему? Наверное, мы избалованы, привыкли к знаменитости, к тому, что они частые гости у нас. И мы стали привычно равнодушно и проливали там самым невнимание.

А те ребята в зале?.. Момент, мне показались стихи Югановы, и они мне понравились. Но я не могу поумать, понять. Они шепталась о чем-то своем. Да я и не могла понять. Не могла. Но я была со всей серьезностью встают передо мною идеи за другим взрослым вопросом.

Я и Люда, мы идем в дворце с табличкой «Игнатовский отдел», из-за которой радостно возбудились в те годы, когда жил Павел Юган, писал стихи, ходил тихие арбатскими переулками и со своим другом Юрико Лескову. Так же, как и мы, он идем некуда, только Мора Липсий став

Г. Москва.

чь чуть не раздавил мою

Витяшку толкнули. Вагон дернулся. Я выхватил из сумки металлическую ручку на спине снайперки. И обернулся. Сумка была видна розовый кошачий мех. В сумке было одно ухо, в том он сидел Ирма. И опять чуть не наступил на кошку. Ирма приворожила сумку за ручку. Наверное, чтобы кошка не выскочила. Ирма была в раскаты. Потом через лоб у нее свисали волосы.

Светлые и прыжки. Ирма жила в даче. И в апреле лето, прыжки жая на дачу, он встречал Ирку. Она всегда была непохожей девочкой. Во всяком случае, никогда не отнималась играть с ними в казаки-разбойники. И никогда не бежала. Даже если ей доставалось в драке. И на деревьях она лазала не хуже худого Славки. Но в листве исчезает сначала Иринка голова. Потом она подгибается. Ложится животом на ветку. Повисает. На мгновение показывается, чтобы опять голубые трусики. Потом загорелые, исцарапанные Ирины Мозельки прыгают, терзаются среди ветвей. А потом она сидит на дереве. И кричит маме: «Ну, кто выискал сюда этого Кото!» Да. Ирма всегда была непохожей девочкой.

Витяшка протиснулся между двумя сумками. И оказался рядом с Ирмой. Привет, Ирма! — сказала Витяшке по тону на дачу!

Вагон, опять дернулся. Одной ногой Витяшка топтал на чью-то ногу. На другую наступила Ирма. И опять Витяшка и Ирма сидели с собой. — сказала она. — Мы ехали с бабушкой. Потом, когда садилась в вагон, кошачья выскочила из сумки. Пона писала, бабушка уехала. Бабушка засмеялась. Вот умерла, кошачья прыгает в толпу. Бегит по ногам. Про гудит. Идет к тебе в туалет. Толпачит и тонит. А чулки напропало — тонкие. Ругает. И все закончится. И тут же опять бегает. И вот что случилось, вижу! А одна тетенька последила. И она сказала, что Витяшка не на парне. А другой рукой схватила и торжествует Ирма. «Твоя кошачья! Нет, я спрашиваю, куда выискал у Ирки голубой болтается. Вы не можете протиснуться через дачу».

Потом в вагоне стало меньше народу, сошли на разных станциях. А им Ирки до конца. До Звенигорода там едет на автобусе. А потом пешеходом до Москвы. Ирма сидит на Моей сесте. Она — на одну сумочку у она. Он — на другую, напротив. Горюхит как-то мало чего. Моему, конечно, спросить про школу. Но про школу спрашивает Витяшка не любил. Ты спросил. А потом тебя спросит. А что там хорошего, а шлолет Тройки один. И кошачья, наверное, устала в сумке. Ни нос, ни ухо больше не торчат. Они стали смотреть в окно. А потом Витяшка начал думать, почему часть города за рекой называется Посадом. Может быть, дома там маленькие, будто бы посаженные в землю. «Нет», — подумал Витяшка, — дома вроде бы такие же, как и в Звенигороде».

Так он и не решил, почему Посад называется Посадом. И стал вспоминать как худой Славка, он, Толкач Садовой улицы и Ирма прошлые летние забавлялись в сумке в сумке.

Это была проверка на смекалку. В саду под деревьями шевелились тени. И все время казалось, что черт сидит там, за деревом, и что-то шепчет. Моему охотились с сумкой, но не становились. Они сначала трясли дерево. И листья шуршали очень громко. А потом Ирма шепталась с землей, исто и тоже громко. Наверное, всему городу охотились с сумкой, но не становились на колени. И шарил руками в холодной, искорки от росы траве. И лобок тоже были холодные и как будто морские на ощупь. И под рубашкой от него было холодно. Потом они бежали по дороге мимо домов, в поле. Бегали все всех сил. И пыль под ногами была холодной. И ноги тонули в ней. Остановились они только за последним садом».

«Хлопотник — так называлась остановка», — показала Ирма на название. Ну и что? — сказала Ирма, как будто не понимая, как это смешно, но она остановка называется «Хлопотник».

Вагон был уже почти пустой. Солнечный уходил за горизонт и насаждал косыми лучами светил в вагон. Желтые ириски наводило лежали на пол вагона, на стенах, на меховых сумочках, которые от этого становились еще ярче. Нет, Ирма была какой-то совсем не такой. Она смотрела на него. И глаза у нее были наречено не такие. Как будто он был не Витяшка, а совсем другой мальчишка. И будто это не он, а кто-то, а кто-то в секрете все прошлые лето захватывал кладь. Может, она забыла! Ну конечно было найти Большая музон

стена. Вырыть в земле углубление и положить на дно что-нибудь. Красивый фантик, цветные стельшники. Выложить все это наминимум узором. Сверху накрыть стеклом и замолчать. А потом через много времени, уже забыв, что там замолчи, прыжки, садившись на стекло, прыжки с земли. И смотреть через стекло. Стекло запотеет снизу. И цветные стельшники под ним сливаются, превращаются. И, глядя на них, можно представить себе любую картину. Это было их тайной. И они

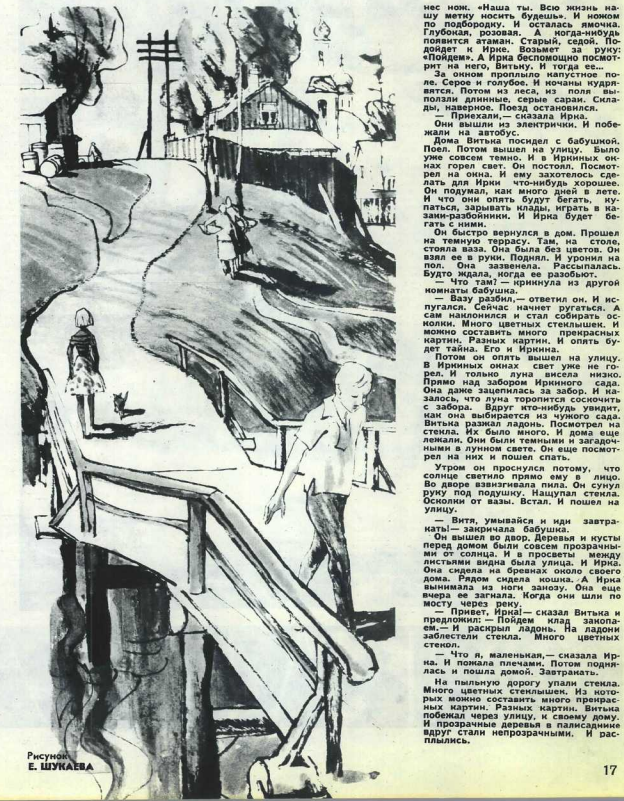
часто убегали ото всех и подолгу смотрели на свои картины. «Посмотри», — говорила Ирма, — посмотри. Вот человек смеется на лошади. А это трава. Зеленая. Эх, — говорила Ирма, — побольше бы стекол! И он всегда вспоминал, что дома стоит ваза. С цветами. И если ее разбить... У Ирки странный подбородок. С ямочкой. Ямочка глубокая и розовая. Раньше он спрашивал: не шрам ли это? Это от рождения», — говорила Ирма. А он не верил. Может быть,

давно. Может быть, в детстве. Может, она не помнит об этом. Ее учила. И ташили по теньным улицам с завазными глазами. И тогда в это место крали детей. Вандалы, пираты, а еще чыгане. Бабушка рассказывала: Утешил меня глазом. Когда заснула, выволот. Ноторому ружинному вывернут. Милостыню плакала. И заснула. А какой красивый ребенок, себе возмужать. Ирма красивая. Ее утащили. И она была в раскаты. И она была ближе, ближе. Вросили. А атман за-

РАССКАЗ

Светлана ПЕТРЕНКО

Посадом

Рисунки
Е. ШУКАЕВА

нес ном. «Наша ты. Все жизнь нашу ветру носило. И оно поподорожку. И оно было глубокая, розовая. А когда-нибудь появится атман. И он дождет и Ирма. Возьмет за руку: «Пождем, а Ирма беспомощно посмотрит на него Витяку. И тогда эс».

За одною пропущенную минутку после. Серое и голубое. И концы куда-то даче, наверное. Поезд остановился. Приехали», — сказала Ирма. Они вышли из электички. И побежали на автобус».

Дом Витяшки пошел с бабушкой. Поел. Потом вышел на улицу. Было уже совсем темно. И в Иринных окнах горел свет. Он постоил. Посмотрел на окна. И ему захотелось слезить для Ирки. И что-нибудь хорошее. Он подумал, как много детей в даче. И что они опять будут бегать, купаться, зарывать класы, играть в казаки-разбойники. И Ирма будет бегать с ним».

Он быстро вернулся в дом. Проял на туманную террасу. Там, на стене, стояла ваза. Она была без цветов. Он взял ее в руки. Поднял. И уронил на пол. Она зазвенела. Рассыпалась. Будто мдала, когда ее разобьют.

Что там? — крикнула из другой комнаты бабушка.

Вазу разбил, — ответил он. И испугался. Сечас начнут ругаться. А сам нахлопился и стал собирать осколки. Много цветных стельшников. И можно составить много прекрасных картин. Разных картин. И опять будет тайна. Его и Иринка

Потом он опять вышел на улицу. В Иринных окнах свет уже не горел. И только луна висела низко. Прямо над заббором Иринного сада. Она даже зацепилась забор. Потому, что луна торчит и сосисить за заборами. И увидишь, как она выбирается из мнужо сада. Витяшка раздал ладони. Посмотрел на темные, их было много. И они все лежали. Они были темными и загадочными и одним цветом. Он еще посмотрел на них и пошел спать.

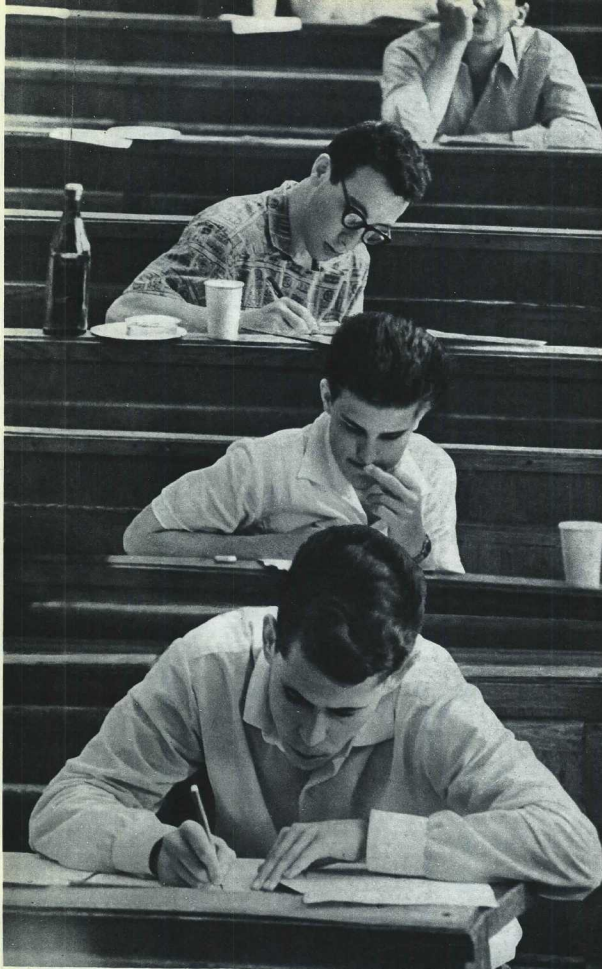
Утром он проснулся потому, что смелое, встало. И он встал. Во дворе визжала кошка. Он сунул руку под подушку. Нашел кошачью. Осноли от вазы. Встал. И пошел на улицу.

Ирма, умывшая и миди, завтракать! — закричала бабушка.

Он вышел во двор. Деревья и кусты перед домом были совсем прозрачными от солнца. И в просветах между деревьями видны были листья. Ирма сидела на бревнах своего своего дома. Рядом сидела кошка. А Ирма выныла из ночи заново. Она еще встала и заглянула. Ирма ни шли по мосту через реку».

— Привет, Ирма! — сказал Витяшка и предположил. Поидем, клас запомним! — И раскрился ладонь. На ладонь заблестели стельки. Много цветных стельки».

— Что я, маленькая, — сказала Ирма. И пошла ладонь. Потом подняла. И пошла домой. Застрепала. На пыльную дорогу упали стельки. Много цветных стельшников. Из которых можно составить прекрасных картин. Разных картин. Витяшка побоялся мерж улицы. И он был и прозрачные деревья в ладонисиде вдруг стали непрозрачными. И рассыпались».

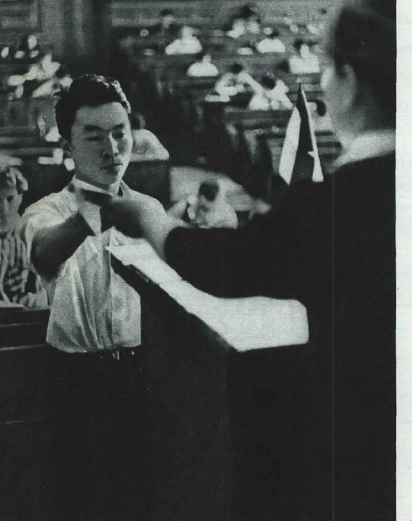
Минут уже четвертый час, скоро сдавать конверт, а мы читаем ответ. Не видно, Габор на секунду оторвал глаза от задачи, обернулся назад. Интересно, как идут дела у остальных ребят? Сегодня задачи последнее вчерашних. Судя по навеселым, сосредоточенным лицам, многие испытывают примерно то же, что и он. В шахматах это называется шхитот. Но вот кто должен сдавать конверт. Намется, это русский. Вслед за ним, аккурнтно, двумя пальцами щерка конверт, спускается монгол. Позавандушь эти ребята: для них все уже позад.

Венгерский школьник Габор Корради снова вливается взглядом в условие последней задачи...

Вот уже шестой год организуются международные математические олимпиады школьников социалистических стран. В Советском Союзе такая олимпиада проводится впервые. В течение двух дней в здании Московского государственного университета на Ленинских горах юные математики Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Польши, Румынии, Советского Союза, Чехословакии и Югославии вели спор за звание победителя. Вопросы, чья математическая команда сильнейшая и кто победит в личном зачете, волновали школьников во многих странах. В каждой команде восемь участников, в основном это старшеклассники и выпускники средних школ. Чтобы попасть в заветную восьмерку, ребятам пришлось преодолеть несколько ступеней отборочных соревнований. Достаточно сказать, что в Советском Союзе за право участвовать в олимпиаде в течение семи месяцев боролось полтора миллиона школьников. В заключительном туре принимали участие представители от каждой республики и от каждой области РСФСР. Лучшие были включены в сборную математическую команду СССР.

На решение трех задач в один день отводилось 4 часа. Оценка работ проводилась по семизначной системе. Победитель как в личном, так и в командном зачете определялся по наибольшей сумме набранных баллов. И вот подведены итоги. Как и в прошлом году, сильнейшей оказалась команда советских школьников. Она набрала 268 баллов. На втором месте — венгерские ребята — 253 балла. На третьем — румыны — 213. Из семи дипломов 1-й степени три вручены школьникам СССР: Геннадью Архипову (Орел), Дамиру Верончату (Москва), Юрию Матисевичу (Ленинград). Успешно выступившие впереди также получили три первых диплома. Все трое из Вудапшта. Это Ласло Геренчар, Йожеф Пенчан и Ласло Ласас. Один диплом 1-й степени уехал

ОЛИМПИАДА

Время, задачи, мысли...

Решал! Монгольский школьник Цэцэгийн Мисхиддорж одним из первых сдал конкурс.

Призер олимпиады чешка Тамара Марцисова.

в Польшу. Его обладателем стал Ташуш Фигель. Кроме того, многие школьники удостоились дипломов 2-й и 3-й степеней.

На олимпиаде не был учрежден приз абсолютному победителю, но, если бы он существовал, его, безусловно, завоевал бы Давид Бернштейн (СССР). Он единственный из всех участников олимпиады набрал максимально возможное количество баллов — 42.

Олимпиада проходила в стенах университета, и это в какой-то степени символично. Для многих участников нынешней олимпиады университет уже в этом году станет родным домом. Призеры и участники сборных математических команд после окончания школы, как правило, подают механико-математические факультеты университетов. Интересно отметить, что из многих советских школьников — победителей прошлой олимпиады — шестеро в этом году успешно перешли на 2-й курс мехмата МГУ. Первые дипломаты прошлого года Толи Зайцев, Алеша Толгойто и 3-й призер Нирмал Анварев — сейчас студенты мехмата МГУ — выступили на нынешней олимпиаде в новой роли. В качестве переводчиков они сопровождают делегацию школьников из дружественных социалистических стран.

Выступая на собрании, посвященном итогам олимпиады, председатель жюри, вице-президент Академии педагогических наук РСФСР А. И. Марчушев выразил надежду на то, что дни, проведенные школьниками в социалистических странах в Москве, навсегда останутся у них в памяти. «Прощай, VI Международная олимпиада!» — здравствуй, VII олимпиада в ГДР!» — этими словами закончил он свое выступление.

е знаю, как другие, но я и тогда признал в армии с матернением. Мне хотелось скорее покончить с ней. Быстрее бы забрал, быстрее бы пролетели эти годы, а потом жить себе спокойно. Даже когда двери призывного пункта захлопнулись за мной, я не захотел вернуться назад.

Заминуться в себе на этот срок — вот с чем я уходил в армию. В моем решении, если захотелось, не было ничего удивительного. Многo слышал об армии до призыва из рассказов некоторых отслуживших. Подгулявшие парни пугали нас «тучкой», мушкетер, приварив и приурочившая события. И у нас складывалась впечатлительная, что армия — это некая враждебная среда, которая стремится раздавить нас, нашу индивидуальность, и избирать оружием для этого тупых, злопыхательских серкисатов и раскисающих направо и налево нарядым офицеров.

На пересылочном пункте нас вымыли, осмотрели и начали «разбрасывать». Вскоре выяснилось, что все мы едем в Забайкалье. Настроение поднялось. Нас переписали, разбин на новачков и усадил на платформы в ожидании эшелона. Три часа до отправления тянули дождю. Безделье ныло, тошну и мрачные мысли.

Кругом мевали. Я удивлялся людям, и которых никогда не пропадал аппетит. Горластый парень с лицом шабашиста уверил сидящих вокруг него, что попал «а эту лауку по Лынке», и многозначительно говорю большой срок. Я сам никак не люблю «справлять», но в этот момент его болтовня мне была несказанно приятна.

С трудом я дождался посадки. В поезде выяснилось: многие из нас — шоферы, и ехать нам пять суток. О чем-то оказалось здесь много знакомых: таксисты быстро узнают друг друга.

Дорога

Дорога сблизает. Развиваются друзья и млеют разрывы были и небывалые. Стираются чуждыми становятся припысы, забойно уложенные предками. Получились многие приятности. Значит, собрался — расстояние так близкой В нашем вагоне два сопровождающих — серкис Гена и рядовой Степан. Они служат в поселке Мещинск и попутно нас давали бесценные советы. На остановках Степа содействует доставке «агрочесочек», и отношения в вагоне переходят в новую фазу.

Среди нас есть тачка, у которых душа осталась сама. Мне их жалко. Несмотря на частые остановки, мы довольно быстро двинулись на юг. Появилась кукуруза, сначала на полях, потом в вагонах. Меню становится разнообразным — начинают давать «кондер».

До Насина доехали без приключений. В Азербайджане покупили фруктов, дыни, винограда, продавали овецку. На каждой остановке продавец облеплял людей, через окна, ставшие прилавками, была окая торговля.

Главное — понять

Говоря по правде, мы прождали овецку, надеясь на климат. Нам же, Грузия — благодатный край! Почти тропики. Но природа сыграла с нами злую шутку. В день нашего приезда на горах висел туман и холодный, порывистый ветер бросал на нас мелкий осенний дождь.

Мамки, продюгших, нас оставили в часть. Первые же дни опровергли наше представление об армии. С нами разговаривали офицеры, сержанты, саркисаркисы. И знаете, они отнеслись к нам тепло. Они старались установить с нами хорошие деловые отношения, чтобы принести солдатские навыки. Начало было обнадеживающим.

Непривычно чувствовать себя в новой овецку, особенно если эти солдаты только начали. Беспокойно болтают руки, привыские и уюту нарманов, ноги несут тебе вразвалочку, и первое время наш строй напоминает строй пенсисеров на физзарядке. Но через неделю мы ходим вполне прилично.

Больше, чем другие, меня dominates то, что мы не получаем. Комок в сапогах и бутры на хрваты отнимают у меня лишнее время, но зато мы можем получить Главачи в армии — понять: все, чему тебя учат, ты должен выучить. Комок — человек, хороший солдатом. Сюда поймешь, приказы потерют своего нежелания, командиры — привычные, а ты — свое недовольство.

Впервые в нашей роте были маршочки. Мы частичка родного города. Герода, о котором каждый человек у нас в стране думает необычайно тепло. Наверное, поэтому нас не издали здесь, университетская личка «салага», и мы быстрее других освоились, почувствовали под ногами почву.

Большинство солдат здесь — закавказцы. Вечерами, сидя у курьих, часто слышишь, как неваднее поют на два, на три голоса. Чертовски хорошо поют! Постепенно у нас зародился свой коллектив. В армии коллектив играет особую роль. Здесь за него твоей все за одного — самдари за всех. Один нарушил строгий — горноят только один маршочек, остальные — поднимают всех. Короче говоря, один провинился — отвечают все.

Мы не сразу это поняли, иной раз выпирал наружу гонор, тупило поспорил или прикрикнул командир — не подлетел обещанию, и мы начинаем все понимать. В армии система воспитания имеет два формирования: методика убеждения и принуждения. И они действуют одновременно на человека. Занимаемся строевой, грузим устаночки, делаем физзарядку, готовимся и принимаем присягу.

Воскресный день. Принять присягу. Равнение на знамя. Торжественную тишину врзрзает слова: «Я, командир, представляю вас, социалистических Республик.» Каждый мужик напряден, кажется, пальцы над Усом из пущих не выходящих позд трей. Трой оторож, чуждым ногда Родина воспитывает, заналет нашу верность, мужество и честь.

**СЛАВА? ..
РАБОТА**

Мне напевать на бронзу
невозможно,
мне написать на мраморной
слань —
сочтемся славою...
В. Маяковский.

Ты прав, Маяковский.
Не к спеху.
Сочтемся.
А ну ее... — зависть — проклятую сводню!

Успеем еще отпечтаться в бронзе.
Пока же без бронзы,
ей-богу,
свободней.
Не каждый укутан
известности плодом.

Ведь слава —
ты знаешь —
капризная штука.
Она, словно старая,
тощая
леди,
не учена первой
протягивать руку.

Да в славе ли дело?!.
Давай подытожим:
вон Гитлер с ильмакстой своею оравой
в историю въехал на трупах.

И что же?
Всемирная слава...
Кровавая слава.
А помилуй Пастера!
Крикливый, бесечный,
он спас миллионы.
И с лаской сыновней
они на руках отнесли его
в Вечность.

А Пушкин!
А Ньютон!
А Вок!
А Бетховен!

Да ты, наконец!
Чем ты хуже Пастера —
детина с всезнающими глазами?
Тобой открывается новая эра
в соведнии рифм.
И за это — ты с нами!
Себе не заказывай ты монументов,
не требовай бронзово-мраморных иетов.
А нынче...

Работа. Работа.
Работа —
сняющей
лентой
твоей стих опоясал старую планету.
Резцом авторучки
на камне блокнота
ты высек Вечность строкою корявой.
Работа.

Работа. Работа.
Работа —
единственно верный фундамент для славы.
Работа,
работа —
до третьего потока,
до судорог в мышцах,
до боли,
до ауда.
Мы славою сочтемся —
— свон ведь все люди.
Пуская же пока нашим лозунгом будет
твоей клчи, Маяковский,—
работа,
работа!

ПОЭЗИЯ СЕМНАДЦТИ

**БОРИС
РАПОПОРТ**

МОРСКИЕ КАМЕШКИ

В года забавчиные камешки ли,
Пойдешь ли волосой стеной,
Запомни, друг мой, эти камешки,
Рожденные тугой волной.
Вот темный камешек с прожилками.
В нем, верно, идеале моря,
Года далекие, прожитые,
Дыханье гоубой горы.
А этот, светлый, легкомысленный,
В весельях волных познания.
И от нескуплек многочисленных
Он, словно солнце, рывовал.
Запомни с доброй твоей радостью
Не валуном седых бока,
А эту галечную радугу,
Всю, что вмещает твоя рука.

УХОДЯТ ОТ МАТЕРИ СЫНОВЬЯ...

1
Как песни от старого соловья,
Уходят от матери сыновья.
И надуют звезды имедями в траву.
И тихоно испнать в тех глазах синеву.
В глазах тех поблекших, как в доме, темно,
И ветер усталю стучится в окно.
На руи все работа...
И здесь немочат.
И нет на такие болезни врача.

2
Снова сердце бьет тревогу
И дожди в ладоши бьют.
По земным путем-дорогам
Сыновья ее идут.
Только матери не снится —
Можно ли спать ей без забот?
И всю ночь стоят ресницы
Над глазами, как забор.

3
Как песни от старого соловья,
Уходят от матери сыновья.
Но там, где звенят перелесками грозы,
Где сивому снегу приходит конец,
Там зажигаются ясные звезды,
Высокие звезды
материнских сердец!

БОРЬКА ЛАГИН

Там, где расплескались флаги
На озерном на ветру,
Борька Лагин
сонный лагерь
Будоражил поутру.
Выспнаны на зарядку
Под бани и глitchи свист.
Борька парень был занятный
И отличный баянист.
Он изарывал, как дьявол,
Свасня
русыи чуб и плечу.
И подмигивая нам:
Я, мол,
Все играю, что хочу...
И ронесник наш старался,
Основательно потел,
Он синест и улыбался
И иного не хотел.
Только маршам этим рыпным
Мы на удулку не шли:
Борька в лагере
баяном
Заколачивал рубли.

Над тихой речкой синесною,
Над цинковой радужной волной
Дом с заколоченными окнами
Стоит, безлюдный и немой.
Закочлыхается вода,
Но а окна, что тоскою залиты,
Лучи не гланут никогда.
Он, вы, сестренки,— олки рыжие,
Вы, пересмешники в бору,
Быть может, из колхоза выжили
Из етег родныхх поутру?
Иль, может, ветря зное оханье
Гляло их за вечер, пылят..
Но дремлет речка синесная,
Деревья спит, молчат поля,

Леса, поля — седые, гордые...
Туда, в другой конец земли,
Они — огня большого города —
Людей из дома увели.
Пути иные имен позваны,
Им угрожал не спивать.
Делья вельгине, колхозные
Их перестали занимать.
Я верю в то, что рано, поздно ли
Их позовет любимый труд.
И вновь в места свои колхозные
Однанды люди те придут.
С окошек пусть белюю срываетс —
Домо быть арчиими дождями!
Пусть дом опять задулбается
На все четыре стороны!

В больнице умирает человек.
Не вырвался из косячного плана.
Глазами из-под тонких, серых век
Он пятый день прощупывает стены.

Но видит вместо стен разлив реки,
Верхушки сосен, гибких и высоких,
На молкой раби — тени его руки
И поплавок, вырывающийся в оскоку.
И солила ослепительный желток
На блюдце опрокинутого веба
Над ним... Над ним все тот же потолок.
И та же лампа. Солнца словно не было.

Но কাছে ему — опять рассвет,
А он в лесу среди столов и кашки.
Вздохлет третью кузнечки в траве —
Наверно, страшно весело дуралилам.

Корявый дуб вь в трещинах коясок
Стоит один, попрыгает и вневост,
И крошечные лянзючки росы
Искрятся на его маскетых листьях.

Он, кажется, вот-вот сорвется в бег,
Как в скалке, сквозя кору улыбка брызнет...
В больнице умирает человек
И, умирая, думает о жизни...

Я вошел в эту дверь.
Ело слышно побрал по ступенкам.
С этажа на этаж —
Ориентиром — шершавая стенка,
И, сдвигаясь, пестрот
Заголовок нустой стаетаеги,
и тонорцил карная
со студеческим синим билетом.
Я вошел в эту дверь,
как всегда, незаметно и скоро.
Осторожно поплыл
по невзрачным пустым коридорам
мимо белых рам —
голубых, свежесмыкатых окон
и плафонных шаров,
отбегаемо-белых, как окон.
Раскряхтелся паркет.
Серия ударяла в беломыльные стены.
Мне представлялись вдруг
голосистый разгул перемены,
дребезжание звонка,
и товарищи в сбитах «монасах»,
непосидливая гул
никогда не смолкающих классов,
черный глянцет доски,
разговоры одними глазами,
и последний урок,
и последний, бесчелный экзамен...
А потом я ушел...
По перилам, дородным и тучным,
протыгались руны,
торопливо облылая ручку...
И захлопулась дверь,
и вошла деревянным стлетком
между детством моим
и студеческим синим билетом.

г. Москва.

Каникул не будет

Четыре года назад, в те самые дни, когда весь спортивный мир жил римской Олимпиадой, двенадцатилетняя свердловская школьница Гаял Проузенчикова решила заняться плаванием. Ее не привлекли ни азарт спортивной борьбы, ни чемпионская слава. Было гораздо проще: «Жить у моря и бороться с водой — это же стыдно. Неучус плавать и уйд». Так думала тогда Гаял. Она научилась, но не ушла. Плавание стало для нее таким же близким и нужным, как дом, школа, подруги. А успехи на дорожке — они ведь очень похожи на отметки в журнале. Сделала все, как нужно: лишняя секунда, еще вчера хитро подмигивавшая с циферблата секундомера, остается где-то за спиной, остается взамен себя ни с чем не сравнимое чувство обретенной скорости.

Удивительная внутренняя дисциплина, умение «выложиться» до конца в самый нужный и важный момент помогли Гале достигнуть самых верхних ступенек лестницы, называемой большим спортом. Именно они поддержали ее в самую трудную минуту, когда, казалось, все закончилось долгими часами тренировок могло пойти прахом из-за нелепой случайности.

За несколько месяцев до Олимпиады Гаял Проузенчикова — мастер спорта, мировая рекордсменка на олимпийской дистанции 200 метров брассом — была вынуждена бросить все и лечь в больницу. «Аппендицит. Немедленная операция» — объявили врачи. Полетели все планы, тренировки, оставалось лишь ждать дня, когда можно будет начать все сначала. И они начали. Они — это Гаял и Елена Лукьянова Алексеевна, тренер. Кто-то сразу же вычеркнул Проузенчикову из числа тонких сил олимпиады, а они продолжали свою тяжелую и трудную работу, не обращая внимания на мрачные предсказания.

На сентябрьском первенстве страны Гаял была второй, после Светланы Бабанной, ставшей мировой рекордсменкой на 100-метровой дистанции. Но именно Светлана первой почувствовала, что ее соперница и подруга возвращается в строй. И первой во всеуслышание заявила, что от души желает ей победы на Олимпиаде.

Ну, а остальное всем известно. Олимпийский чемпионку, заслуженного мастера спорта Гаял Проузенчикова встрелась весь 9-й «в» класс 3-й свердловской школы. Сначала они все вместе ели огромный чемпионский торт, а потом начались урки. «У меня каникул не будет, ведь так отстала от всех вас», — сказала Гаял.

ДЕВЧАТА

Девчата
На порою бывает трудно
И не хватает времени для сна.
А за окном рекочуде и трубно
Поет неумолимая весна.
Но надо приготовить:
Контрольные.
А за окном побегов венных рать.
А ты лишь почку новую потрогай —
И снова окупись в свою тетрадь.
Устае, натруженные руки
Сжимают перья...
Вечер наемь лег.
И девченок зовут азы науки —
И девчуня спешат на огонек.
А завтра вновь станки
И волны праж...
Упругий свет, упорно бьющий явиз.
И труд твой,
Что отду сторокою лежит
В поому под названьем «Коммунизм»...
А за окном рекочуде и трубно
Весна поет о пробужденые всем...
...Они узнали, что такое «трудно»,
Девчата из фабричной ШРМ.
г. Вышний Волочек.

Липка СМІРНОВА

АРБУЗЫ

Арбузы! Арбузы
лежат, толстопузы,
в зеленых пикажах,
взмокот от жары.
Косты из лакунских
торчат, как антенны.
Арбузы инкуют
и дают на стенки:
«А ну, продащица,
давай, продавай,
над клетки нас в лето
скорей выпускай!»
Арбузы посыпались
в сетки, как в лузы,
ну что за обуза —
купить по арбузу!
Который тут сладкий!
Который тут лучший!
Штурмуют палатку
веселые люди.
А эта бабуся —
четыре арбуза!
Бабуся в арбузах
спит, как в бусах.
Пустая палатка.
Порядок! Порядок!
Вся унцица плещет
арбузным жарядом.
г. Выборг.

ДАЛЕКО НА ВОСТОКЕ, НА БЕРЕГУ ТИХОГО—ВЕЛИКОГО ОКЕАНА В ПЕТРОПАВЛОВСКЕ-КАМЧАТКОМ ЖИВЕТ «РОВЕСНИК». ЕМУ УЖЕ ГОД. РАЗ В МЕСЯЦ ЕГО СТРАНИЦА ПОЯВЛЯЕТСЯ В «КАМЧАТСКОМ КОМСОМЛЬЕ». АВТОРЫ И РЕДАКТОРЫ ЭТОЙ СТРАНИЦЫ — ШКОЛЬНИКИ ИЗ ПЕТРОПАВЛОВСКА И КОРЯКСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА. СЕГОДНЯ «РОВЕСНИК» В ГОСТЯХ У «РОМАНТИКА».

ТРОПОЮ БУДУЩЕГО ЛЕТА

Есть на Камчатке Долина Гейзеров. Место необыкновенное по своей красоте, но и удивительно людно. Несколько тысяч тропы, неизученные маршруты ведут туда.

Этим летом группа из семи человек получила задание областного совета по туризму и летней экскурсионно-туристической станции описать маршрут в Долину Гейзеров. Задание выполнили Вуцудин летом с новым руководителем в руках и Долину Гейзеров посетил школьник и турист, приехавшие сюда из разных концов страны.

С группой, выполнившей задание, ходили кинором «Ровесника» — однанадцатилетний петропавловский мальчик средней школы № 7 Геннадий Кузавин и Александр Паратов. Вот отрывки из их дневника.

Водопад

Мы задержались, чтобы посмотреть лихту гидротурбины. Потом поехали на водопад реки Новый Семчалчик. Горячая, прозрачная вода льется с двадцатиметровой высоты и разбивается о камни. Белое облако постоянно облетает над камнями, и капли воды переливается всеми цветами радуги.

Озеро в кратере

Ничто не ожидал увидеть, что-либо потрясающее на приваловом озере, но Малый Семчалчик. Знаю, есть там озеро, и все.

Подошли и замерли, потрясенные красотой кратерного озера. Скалистые берега круто обрываются в него. Цвет воды покорил нас. Среди шалов и серых камней переживалась бирюзово-зеленоватая вода, а на берегу горделиво стоял дикий олень.

Горячие камни

Вот последний перевал, и перед нами — Карынский вулкан. Правильной формы конус высоко держит над собой ироничные края кратера, из которого с грохотом летят камни. Иной раз они пролетают почти рядом и приходится обогатить в сторону. Подобношь и такому камешку, а он так и нышет. Раскопешь — прыснуть видно...

Медведь-недобудет

Речка Шумала. Идем берегом, смотрим на воду. Оглядим взгляд в сторону и замрем: на противоположном берегу медведь ловит рыбу. Встреча так неожиданна, что не сдвинулись с места.

Мы микрорядно щелкаем фотоаппаратом, даже запущены кинокамеры. Но стают не понравился лесному хозяину, и он, недолжно обернувшись, двинулся в чащу.

В долине гейзеров

Спешим: где-то вблизи знаменитая, известная всему миру Долина Гейзеров и вот она перед нами. Несколько дней мы промывали здесь, постигая красоту этой удивительной долины. Впервые изобретение гейзеров: Большого Великана, Тройного и многих других. Видели кипящие котлы и Чертов гудок. Из некоторых гейзеров кипящая вода выпрыгивает кустом через разные проемы: кусты времени, слово по часам. Приходится быть осторожным: обварит кипятком, если засмотришься на гейзеры и не рассчитаешь время.

Понск

Преодолев перевал между вулканами Шимдотом и Камченем, спустились в поселок Вотчанку. Мы и раньше слышали, что здесь живут медведи. Мы познакомимся с геологами-нефтяниками. Они показали нам буровые, рассказывали о неглубоком поиске. Понск продолжается...

Зачем-то пошел. Шли мы нелегкими тропами — некоторые смельчачи оставили здесь свои следы. Мы почти не заметили. Найдя тропинку, нашлись перевал были для нас школой, испытанием. Мы пошли, что идти в одиночку нельзя. Только вместе, только крепко держась за руки.

«РОВЕСНИК»
СМЕЕТСЯ

Наш корреспондент попросил нескольких старшихклассников ответить на вопросы «Как вы провели лето?»

ТРИ ОТВЕТА

Сергей КИНОЛЮБОВ:

— Все лето я повысил свой интеллектуальный уровень. Была, прочитав в 11—12 и сразу освещаясь новостями: часто слышу, какой фильм идет. Потом обаяно, умоваюсь — и в кино. 94 фильма посмотрел. В среднем по 1,44 фильма-единицы в день, не считая телевизора.

Особенно понравился «Как дела, крепостная актриса?», «Евгень Грозный на цепи» и еще одна картина, но я забыл, как она называется и о чем.

Вадим ЛЕГКОАТ ЛЕТОВ:

— Я решил посвятить лето спорту. Каждое утро по 20—30 минут занимался гимнастикой. Потом бедал, кидал тяжелые камни, делал отжимания.

Правда, мои родители не понимают, как важен спорт в жизни человека. То за водой посылает, то дров нарубить, то в магазин бежит.

Ну, я, конечно, ничего этого не делал: иначе куда же заниматься спортом?

Валентин КНИГОЛОТАТЕЛЕВ:

— Все лето я читал. Книжки. Про шпионов. Вот эта, как ее: «Гайна торфяного болота». Там, значит, один шпион хотел взорвать это болото. А другой — наш, ему — хал — и «руки вверх!» А тот ему — бац. А этот, первый, из пистолета — кых-кых! И все в ажуре. Вот это вещь!!!

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РОМАНТИК»:

В. БРГУМЕЛЬ, заслуженный мастер спорта; В. КАВЕНИН, писатель; Р. КУРБАТОВА, заместитель заведующего школьным отделом ЦК ВЛКСМ; Г. МАСТЕРНИКОВ, бригадир комплексной бригады строителей, Герой Социалистического Труда; А. ПАХМУТОВА, композитор; М. ЦЕНЦИФЕР, директор московской школы № 437.

Романтик

7

В. ЖИЛЬЦОВ, специальный корреспондент «Смены»

Фото И. ГРИЧЕРА и автора

Это, пожалуй, труднее всего: писать о событиях не горячим еще, по горячим следам, а спустя какое-то время. Да еще если это событие — Олимпиада, которой посвящены миллионы слов, размещенные по всему миру газетами, радио и, конечно же, телевидением. От него теперь нигде не скроешься! Вернувшись в Москву, я узнал от своих друзей и знакомых очень много нового для себя, волнующего и интересного подробностей о соревнованиях, на которых я «бодел», переживал, волновался. И все потому, что они получили все это, так сказать, «с доставкой на дом» и без скидки на человеческие слабости. Телекамера холодна и беспристрастна, ее не собьешь ни ослепительным волею новоявленных, отмечающих победу своего соотечественника новообразным воинственным танцем прямо на беговой дорожке, ни жарким спором двух соседей по залу, решивших именно здесь, в Токио, высказать насущный вопрос: кем считать Вакоина — сибиряком (он там жил!) или россиянином (он там живет!)... Поэтому я и хочу сразу же «повозвратить себе одну уступку со стороны читателей: эти записки никак не претендуют на полный и детальный анализ XVIII Олимпийских игр в Токио. Просто хочется поделиться своими впечатлениями, переживаниями, сомнениями, всем тем, что осталось вне досягаемости телекамер.

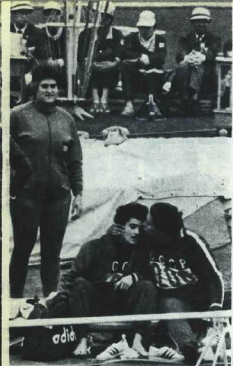
ТРИ
МУДА
ОРИНПИНА

Пока шла подготовка на Оринпину (так звучит по-японски слово «олимпиада»), журналисты в свободное от составления прогнозов и гороскопов время высчитали, сколько дней, часов, минут и секунда займет в общей сложности вся программа игр. Цифры выглядели очень внушительно и являлись как бы материальным воплощением известного прутковского афоризма: «Нельзя объять необъятное». Словом, было ясно, что всего не увидишь, хотелось лишь не пропустить самое интересное и значительное. Насколько это удалось, сказать трудно, но когда на обратном пути домой мои посетители, разбирая по месточкам свой багаж тонких впечатлений, пришли к почти единодушному выводу, что тремя самыми выдающимися явлениями Олимпиады следует считать поединок Власова и Маботинского, победу Виллиса Абебе в марафонском беге и плавательный бассейн «Джимнезимум», я воспринял духом не одно из трех чудес Оринпина не прошло мимо меня.

Сначала о «Джимнезимуме». Он находится в Спиде — очень оживленном и веселом (здесь много всевозможных развлекательных заведений) районе японской столицы. Неподальку — станции метро и городской элентрички, а для Токио, где расстояния измеряются не километрами, а количеством автомобильных пробок и пути, это очень важно. Он стоит на искусственной холме, этот «Джимнезимум» — детище известного японского архитектора Мэндо Тэнге, сумевшего с удивительной проницательностью заглянуть в будущее строительного искусства. Снаружи здание выглядит скромным и даже приземистым, холм как бы скрывает его

ОЛИМПИАДА БЕЗ ТЕЛЕКАМЕР

Удивительная разминка Билкис Абебе.

Леонид Жаботинский на велосипеде! Такой не часто увидишь. Все объясняется очень просто: «стальной конь» был основным средством сообщения в олимпийской деревне.

Первой олимпийской чемпионкой Ирану Пресс поздравила с победой олимпийская чемпионка Гапара Пресс. Против такой семейственности трудно возражать.

ИСКУССТВО

ПРОГРЫВАТЬ

Победителя может стать только тот, кто умеет проигрывать. Крепкие нервы, сила духа, воля и победа эти качества всегда сопутствуют успеху в спорте.

Все эти прописные истины воплотились мне во время баскетбольного матча СССР — США, закончившегося, как известно, не в нашу пользу. Слов нет, американская команда укомплектована великолепными игроками, среди которых прежде всего стоит назвать двух чернокожих суперменов: центрового Льюиса Джексона и защитника Уолтера Хаззарда. Советским победителям баскетбола хорошо знаком, пожалуй, лишь капитан команды Джерри Шипп, но раз приезжавший в Советской Союз. Между прочим, он оказался единственным баскетболистом, существовавшим до состава, совершившего весной этого года турне по нашей стране. Но даже эта троица лучших из лучших по своим индивидуальным качествам мало в чем превосходит Вольфа, Аллалчу или Травица. Дело лишь в том, что американцы продемонстрировали все, чем они владеют, а нашим так и не удалось преодолеть собственную психологическую баррикаду, сооруженную из нервозности, спешки и суетливости.

За весь вечер тали Вольво не дал команде ни одного (!) очка, забивая при этом четыре гола. Немногим лучше сыграл Петров. А Корниенко настолько распустил свои руки, что тренеры были вынуждены во избежание наказания заменить его более уверенным игроком. Нет, не примечательна американцев в тактике и технике реальных исход встречи: «Играй мы свою обычную игру, все сложилось бы иначе» — таковы мнения Арвидаса Аленича, и имя Малая не согласился.

Все сказанное в равной степени относится и к абсолютному паразиту наших волейболистов в матче с «Индией» — Мисота. На родные скамьи, впрочем, не выглядели неподобными. Это успешно доказали полные, которые дали наилучший бой хозяевам поля и проиграли лишь из-за слабой физической подготовки.

Мне хочется повторить то, с чего и начал победителя: может, стать только то, кто, проиграв, отдает все свои силы победе. Наши волейболисты заняли третье место, пропустили вперед венгров и югославы. Но, честное слово, эта бронзовая медаль дороже золотой. Команда, которую не роду всего несильно потерев, не уступила без борьбы ни одного мяча, ни одного очка.

Мне вспоминается матч с немцами, очень много значивший для наших ребят. Победить, проиграв, поначалу 1:2 такой команде — это ли не подвиг! Сейчас плохо помнится перипетии этого матча. Выше забыл о журналистском обязанности, что есть силы подбавивали свисток. На другой день в японских газетах появились фото русских болельщиков, участвовавших в победе своей команды. Да, мы чувствовали себя участниками этого матча, после которого мне довелось высказать немало благодарственных слов от самых победителей. Лучше всех сказал Тейя Осипов, тренер нашей команды: «Спасибо, ребята! Теперь нам стало гораздо легче».

Они не стали первыми, но ни непременно ими будут. Для этого у них есть самое главное — характер.

ОТВЕТ

НА ПИСЬМО

ИЗ КОМАНТЫ № 7

Недавно в редакцию «Смены» пришло письмо от группы студентов из команды № 7 свердловского института «Промэнергоинформ». Савел его сводился примерно к следующему: вот, дескать, в преддверии наших дней все прогнозы были необычайно радужными, а на самом деле все так плохо, что дальние некуда. На каждое письмо, поступающее в редакцию, положено отвечать. Думается, что на этот раз ответить следует публично. Да, все мы омыли большого от

нашей олимпийской команды, хотя она и одержала новую победу в неофициальном зачете. Наши парни и девушки отдали победу все, что могли, но спорт есть спорт, он не стоит на месте. На прошлых олимпиадах нам противостояли по существу, лишь одна сильная команда — США, а нынче по крайней мере еще 4—5 стран были представлены спортсменами мирового класса. Это одна из самых важных черт XVIII Олимпийских игр.

Нельзя не остановиться еще на одной характерной черте тоймиской Олимпиады. Она возмещала о резном смысле выразительных движений многих стран, прежде всего азиатских и африканских, равней никак не оторвавшихся на мировой арене. Среди многих рефердов Олимпиады следует назвать и такой: олимпийские медали (всех достоинств) достались представителям 41 страны. Такого еще никогда не бывало. Больших успехов добились страны социалистического лагеря. Они дали миру (без Советского Союза) 32 олимпийских чемпиона. Такого еще никогда не было.

Хочется посоветовать товарищам из «Промэнергоинформ» еще раз проследить адреса всех золотых медалистов, выигравших командами СССР и США. И тут они столкнутся с удивительной картиной: из 36 первых мест американца 30 завоеваны легкой атлетикой, плаванию и прыжкам в воду, во всех остальных номерах олимпийской программы результаты у них более чем серьезные: стрельба — 2 медали, бокс — 1, академическая гребля — 2, баскетбол — 1. Вот и все.

Советские спортсмены дали чемпионов почти во всех видах легкой атлетики — 5, плавание — 1, современное пятиборье — 1, волевая борьба — 2, классическая борьба 1, бокс — 1, фехтование — 1, академическая гребля — 2, тяжелая атлетика — 4, фехтование — 3, гимнастика — 4, гребля на байдарках и каноэ — 3, фехтование — 1. Такого количества золотых медалей, выигранных американцами в четырех видах (лег-

кая атлетика, плавание, прыжки в воду, стрельба), в одном виде идем одинаково (академическая гребля) и в 9 (!) имеем несорисорно преимуществ. Причем счет здесь идет только на золотые медали, а как известно, существуют еще серебряные, бронзовые и места с четвертого по шестое, дающие очки в неофициальном командном зачете.

И, наконец, последнее. Приведу выдержку из статьи американцев — наших главных соперников. На другой день после закрытия Олимпиады газета «Нью-Йорк таймс» писала, что советские спортсмены «добились прекрасных результатов и завоевали самое большое число медалей в итоге всех игр».

Да, мы имеем все основания быть недовольными выступлением наших легкоатлетов. Они выступили плохо, расставя по дороге к финишу много из приобретенного за последние годы. Но одной фразой здесь не отделаться; нужен серьезный, спокойный, деловой разговор, в котором забота о будущем должна преобладать над страстными и ораторскими поисками виновников. В равной степени это относится и к стрельбе. В виду, в котором наши первичные позиции всегда казались необычайно прочными, а также и велосипедистам и хоккеистам.

Что же касается плавания, то золотую медаль Гали Прозуменичовой следует расширять на первую ласточку, свидетельствующую о правильном курсе, взлетом нашей плавательной школы. Думается, что года через четыре мы будем иметь пловцов международного класса во всех видах олимпийской программы.

Вот итоги XVIII Олимпийских игр, если разоблачать все их трезво и спокойно, уважаяме товарищи из соседней комнаты. Олимпиада вся была серьезно недостаточна в нашем спорте. Для их исправления необходимо серьезная, плуучивая работа, братья за все нужно немедленно. XIX Олимпийские игры в Мюнхене за 3 года, времени осталось не так уж много.

Последний аккорд Орлинка. «До встречи в Мехико-сити!» — говорит зрителька хозяйка XIX Олимпийских игр.

Произошло убийство. Двое людей видели убийцу, причем одному из них он был известен. Назалось бы, никаких препятствий для того, чтобы полиция арестовала виновного, а суд наказал его. Ведь английская полиция считается одной из лучших, а страсть к расправлению со зрячей Шарлоа Холмса стала для англичан чуть ли не национальным спортом.

Но убийца остался на свободе. Его имя запрещено даже упоминать.

Это дело об убийстве полукровкой давности притворило целью в шателло скрыть от посторонних взоров мир — мир великобританской черни. Отталкивающие картины безобразия и беззащитности особенно сильно контрастируют с каноническими традициями «пуританской» Англии. И достаточно вспомнить недавний скандал с британским министром Профьюмо, как станет ясно, что время несколько не изменило существа этой касты.

Публикацией рассказа об убийстве на Вест Принс-стрит мы начинаем новую рубрику. «Время раскрывает тайну». В нем мы будем рассказывать о преступлениях, виновники которых остались в свое время безнаказанными или ненаказанными, о «загадках» буржуазного правосудия и подлинных причинах совершенных преступлений.

Рисунок
Г. НОВОЖИЛОВА

2 декабря 1908 года около семи вечера в один из полицейских участков Глазго являлась горничная Элен Лэмби. Срывавшаяся голосом она рассказывала, что ее хозяйка мисс Мейсон Динликрист убила у себя в квартире. Старуха послала горничную за газетами, а когда та вернулась, хозяйка лежала посреди комнаты с проломленной головой.

Возмущенный отправил двух полицейских посмотреть, что случилось. Дом № 15 по Вест Принс-стрит принадлежал восьмидесятилетней мисс Динликрист. Когда полицейские вошли в переднюю, на бросилась в глаза примечательная запертая дверь в соседний, пустующий с виду дом. Там оказалась афилированная комната, оборудованная для азартных игр.

Лэмби казалась искренне удивленной этим откровением. «Днем или ночью? Этого горничная не знала. Ее рабочий день заканчивался в семь вечера, и мисс Динликрист строго следила за тем, чтобы слуги не перерабатывали».

Сейчас хозяйка дома лежала воле темного дубового стула. Поскормую близки не было никаких других предметов, способных стать орудием убийства. Полицейские решили, что именно этот стул и помог мисс Динликрист отправиться на тот свет.

Старомодный письменный стол был валялом. На открытых ящиках и вадичных ящичках валялись кровавые отпечатки рук. Валявшаяся рядом шпатель также оказалась валяломной. Она была битком набита чеширом, австралийскими, доломитскими и другими деловыми бумагами. Создавалось впечатление, что кто-то лихорадочно искал какую-то бумажку.

По всему чувствовалось, что убийца — дилетант. Опытный преступник за что бы не оставил таких следов. К тому же в комнатах сравнительно на виду лежали деньги и драгоценности. Значит, это не были грабители. Полицейским оставалось обеспечить охрану места преступления и ждать агентов из отдела расследования убийств. Но в полицейском управлении, по-видимому, настроились на приближающееся рождество, и шло, а ничто не появлялось.

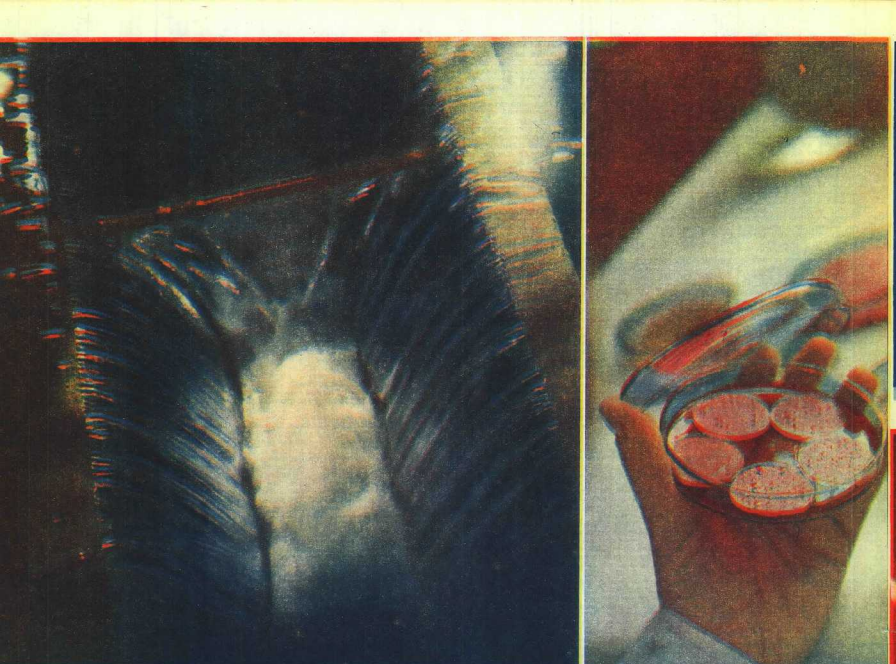
Один из полисменских Тренч, решил пока сам допросить горничную. Оправившись от испугу Лэмби рассказывала, что, вернувшись с газет, она увидела у двери соседа — донтора дама. Тот якобы ушла к своим о полюции и приехала узнать, в чем дело. В этот момент Лэмби неожиданно открылась, из дома выбежал какой-то мужчина и погнался вдоль улицы. На вопрос, видела ли она раньше этого человека, Лэмби ответила уклончиво: что его знает, ее бы было так невозможно, да и темно перед домом.

Когда Тренч поинтересовался, могла ли полюбная знать этого человека, Лэмби заявила, что ее хозяйка вообще не принимала никаких гостей. Независимо непонятным, как мог он проникнуть в дом, ведь горничная пошла не что заваривать чай, а мисс Динликрист была божила и ни за что не впустила бы незнакомого.

Тренч послал напарника за доктором Адамсом. Тот допросил Лэмби, но по душе. Его путаные показания в переводе на сухой язык полицейского протокола приняли такой вид:

«Убитая содержала в соседней комнате вход в которую был с меблированные комнаты и игорный дом, где велось запрещающее законом игры: рулетка, банкера и азарты. По словам, тут идиотку ночью собирались представлять высшей суда. Среди гостей бывали якобы придворные Его Величества, а также деловые и представители деловых кругов. Два года назад против покойной было

ИСТОРИЯ

«Помните картину Перова «Чашепитие в Мытищах»?

То, что она имеет прямое отношение к подлинному искусству, ясно. Но она, картина эта, имеет еще и отношение... к московскому водопроводу.

Мы пьем реки, и научились этому сравнительно недавно. Вода, такая, казалась бы, простая и понятная «вещь», окружающая нас повсеместно и эмпирически, такая работящая, такая всегда изученная, хранит в себе еще столько секретов и тайн, что их отгадывать и отгадывать. И даже пришедшая на помощь химия еще не совсем поладила с водой. Она сумела обезвредить ее, сделать пригодной для питья, но вода очень стойко держит свой вкус и запах.

Раньше попить пять речную воду, особенно в городах, начинали печально. Повальные болезни буквально опустошали Петербург. Не лучше обстояло дело и в Москве, где Неглинная и Москва-река были сильно загрязнены.

И вот 22 июля 1779 года Екатерина II приказала генерал-поручику Вауру произвести в действие водные

работы для пользы престольного нашего города Москвы». Специальная комиссия стала искать, откуда брать воду, откуда вести водопровод. Выбор пал на подземные ключи подмосковного села Большие Мытищи. Место это было известно давно. Любители чашепития часто приезжали сюда попить, за самоваром или просто выпить глоток отменной ключевой воды. А вода действительно была так хороша, что ее не только возили отсюда бочками в царские хоромы, хотя в Кремле был свой водопровод, но и продавали в Бутырках.

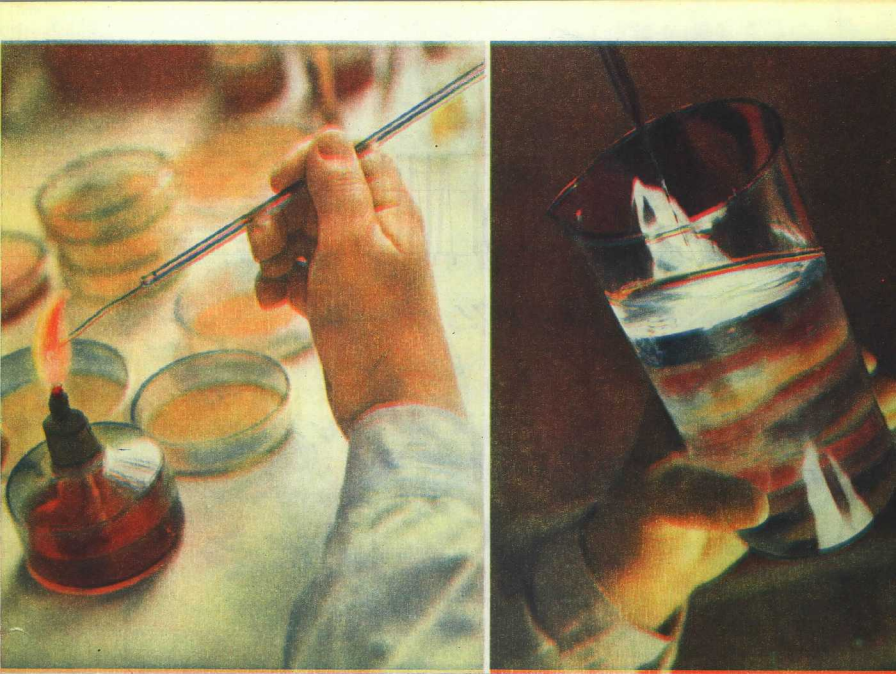
Вот отсюда и пошел первый московский городской водопровод. Его строили 25 лет, при трех царях, а когда в 1804 году пустыня наконец, стало ясно, что его нужно перестраивать, Москва стремительно росла. Умер в конце XVIII века ее население достигло 400 тысяч человек. В ней работали сотни предприятий, потреблявших большое количество воды. Водопровод перестроили. В тридцатых годах прошлого века для подачи воды приспособили паровые ма-

шины. Вода шла на Сухаревою, и водоразборному фонтану, откуда ее и брали водорезы. Потом такие фонтаны появились и в других местах города. Богатые купцы и дворяне стали тайно и явно проводить от них трубы и к своим домам. Но прошло еще семьдесят лет, прежде чем москвичи смогли безбоязненно пить воду из Москвы-реки. Только в 1903 году в Рублево была построена первая водочистительная станция.

А что же Мытищинский водопровод? Он был настолько маломощен, что не обеспечивал даже самых разросшихся Мытищ, и они тоже в конце концов пустыни и себе москворечную воду.

Станция же в Рублево поит Москву и по сей день. Но, конечно, это совсем не та станция, что была вначале. Совершенно иной принцип фильтрации, иная техника. Да и станция Теплострой, а скоро вступит в строй и четвертая.

Как же из совершенно непригодной и даже опасной для здоровья воды получается чистая и безвредная? В самом деле, откуда

В ВОДАХ

А. ГРОВИЧ

Фото А. ЛЕХМУСА

она, эта чистая, прозрачная струя... отной тельно иран!

Мы на водопроводной станции «Северная», недалеко от Москвы. Но чтобы проследить путь воды, надо проехать немного дальше, к водохранилищам. Вот одно из них — Илзяминское.

На берегу построена насосная станция водоразбора. Здесь вода всасывается мощными насосными агрегатами и проходит через чаше сита вращающийся ситом, который задерживает различные крупные взвеси. Затем по стальным трубопроводам большого диаметра вода направляется на станцию, где попадает на очистные сооружения. Это так называемая исходная вода, сырье, из которого и предстоит приготовить ту воду, что льется из наших кранов.

В приемных емкостях сивается в исходную воду хлор. Сивельте представляет собой двухэтапный железобетонный резервуар с перегородками. По первому этапу вода идет с хлором, а когда поднимается на второй, а нее добав-

ляется коагулянт — окисленный сернистый алюминий.

Зачем нужно вводить эти реагенты — хлор и коагулянт?

Хлор — сильный окислитель, он убивает микроорганизмы и обеззараживает воду. Коагулянт концентрирует взвешенные, нерастворимые вещества (песчинки, отмершие водоросли), образуя хлопья, которые выпадают в осадок.

После сивельте вода поступает в камеры реакции — железобетонный резервуар, поделенный на ряд последовательно расположенных ячеек. Если в сивельте она движется со скоростью 0,8 метра в секунду, то в камерах реакции скорость падает до 0,4 метра в секунду. При этом происходит быстрый рост хлопьев и дробление (поглощение) взвешенных веществ. Здесь же завершается химическая реакция хлора с органическими примесями. Вода становится еще мутнее, даже «грязнее», чем была в водохранилище. И вот такая, как бы отжиленная, она поступает в отстойники —

большие подземные бассейны, а затем на фильтры. Это уже резервуары с фильтрующим слоем (гравий, кварцевый песок, антрацитовая крошка). Толщина слоя — около двух метров. Пройдя его, вода полностью освобождается от взвешенных веществ. И теперь ее уже нигде не увидишь — она в контактных резервуарах, где с помощью хлора и аммиака окончательно обезвреживается. Наконец поступает в резервуары чистой воды, откуда насосами по трубопроводам подается в Москву.

Все технологические процессы на станции «Северная» автоматизированы и телемеханизированы. Управление ведется с центрального диспетчерского пункта. Вот диспетчер поворачивает ключ на пульте — и за несколько километров на насосной станции включается мощная агрегат. Сама насосная станция на дамке. Дежурный техник по показаниям приборов следит за ее работой.

На территории станции стоит здание, где вода находится не в огромных резервуарах, а в пробирках;

это центральная лаборатория. Работает она круглосуточно. Анализ ведется в трех направлениях: по физико-химическим показателям (мутность, цветность, солевой состав), бактериологическим и гидробиологическим (наличие растений, планктона). Но вода вода, даже приведенная к стандарту, стойко сохраняет различные запахи и привкусы. Поэтому сотрудники лаборатории, не ограничиваясь анализами, дегустуют воду, пробуют ее на вкус, ведут сложный поиск наиболее рациональных режимов очистки.

Сейчас на станции заканчивается монтаж новой, так называемой озонаторной установки, в которой технологический процесс очистки будет иной. Рассчитана она на обработку пятидесяти тысяч кубометров воды в сутки.

А сколько всего выпивается в сутки Москва?

Три с половиной миллиона кубометров воды! Один миллион из них идет «Сивельте».

Станция все больше универсальными становится ее работники. Анна Ферефина была кочегаром котельной, теперь она дежурный инженер. Валентина Романова начала с должности коагулянтницы, сейчас тоже дежурный инженер. Былшей машинист, ныне мастер насосной станции Борис Тиликин — студент индустриального техникума.

О воде не говорят, когда она есть. О ней просто не думают. А вот когда ее нет... За рубежом немало крупнейших городов, где население нередко страдает от жажды. Юг Италии постоянно испытывает водную голод. На строящемся водном лимите Тонно, Давно Пармиз выкуем очень бережно расходовать воду.

Нет города более щедрого на воду, чем Москва. Но нередко эта щедрость превращается в расточительность: человеку подчас ну, мен лишь стакан воды, а кран открыт, и течет река... Да, не стоит забывать, что прежде чем мы сделаем глоток воды должна пройти сложнейший путь. Она продукт большого человеческого труда.

онь выдался пасмурный, туманный. С севера дула пронзительный ветер. Тучи натянулись на сопки и застрелили на них, как парюдами на мели. Под котлами с хрустом ломались побелевшие травы. В перелесках лежала ряска хвоя и листва.

Я шел всады за Тюгономом, старым охотником-кустом, который взялся показать мне богатые дачи озера в долине реки Алик. Непривычному человеку трудно идти тонкой осенней тайгой, которая кажется бескрайним, поросшим мелколесьем болотом. Другое дело Тюгонин. Старик идет легкой, дружелюбной походкой, быстро и вместе с тем неторопливо. Двустопка точно апята ложит у него за плечи. А мое ружье ведет себя так, точно решил оставить на спине и боках как можно больше свинца.

И уже собрался было попросить у Тюгонора походы и устроить привал, как тайга расступилась и показалось озеро.

Б. КРАЕВСКИЙ

ОЗЕРО ЛЕБЕДИНОЕ

Рисунок А. БАБАНОВСКОГО

— Лебединое, — сказала коротко старик. Я уже знал, что севернее — верою неразговорчивый, и решил не задавать лишних вопросов. Озеро было небольшое, но удивительно красивое. Здесь не было крика красок, которыми так богата осень средней полосы. Вода, серая с черными полосами ряби, походила на вспаханную ругу. В ней отражались рыжие берега, а возле них зеленая острая трема озера и трава, похожая на гигантскую осоку.

Птиц не было.

— Подождем, — сказала Тюгонин, и мы, подставив смирной валежник, улеглись за прибрежными кустами. Я вынул было наперсое, но старик решительно мотнул головой.

— Неаляз. Служим тишину.

Около часа мы прождали молча. Наконец старик предостерегающе поднял палец. И я услышал несвязные звуки, напоминающие далекий голос трубы.

— Трр-уу-уу! трр-уу-уу! — несвязно откуда-то сверху.

И тут мы увидели лебедя. Огромные белые птицы, меторопидно взмахивая крыльями, вьются и вьются кружились над озером. Вот первый лебедь скользя на самой воде, расступила навстречу ветру глянцевые перья, чиркнула по поверхности ливаны и тяжело, как гидросамолет, плюхнулся на воду. Несколько метров он проплыл по водичке, оставаясь за собой расходящийся след, и остановился. Маленькая голышка на длинной изящной шее, как заводная, поворачивалась из стороны в сторону, рассматривая окрестности. Ничего подозрительного лебедь не увидел и спокойно поплыл к берегу. Только тогда стал остальным.

Первые мгновения я как зачарованный смотрел на бесловесных красавиц, но потом спохватывался — ведь мы пришли на охоту, не зря же таскать по тайге ружья! Я поднял двустопку, прицелился и... Тяжелая рука Тюгонора плотно прижала к земле ружейный ствол.

— Неаляз.

— Почему неаляз! — Охотничий азарт уже овладевал мною, и аменительство старика показалось самодурством. — Почему неаляз!

— Неаляз, — повторил он.

Кто-то из нас восторженно задела ветку, куст комкнулся, один из лебедей издав непонятный горганный звук, и вся стая тут же пришла в движение. Птицы мгновенно повернулись грудью к ветру, захлопали крыльями и побегали по поверхности озера, вздымая перелопачиваемыми лопатками фонтанчики брызг. Потом медленно, словно нехотя, оторвались от воды и тяжело поплыли вверх, к серым нависшим тучам.

Тюгонин проводил взглядом лебедию стая, посмотрел на меня узкими ведробрыми глазами и заговорил:

— У нас в тайге лебедя не бьют, неаляз бить лебедя. Поре смертлюю он поет само по себе лебедию песь, и горе тому, кто ее услышит. С давних времен так водится, с тех пор, как услышала эту песьню юный Чюлаургаз...

Мне говорил, что старый Тюгонин знает множество тяжелых легенд и поверий, но редко рассказывал их. Мне повезло. В этот день на берегу таежного озера я услышал одно из древних сказанных якутов.

— Жил-был старый князь, и была у него красавица дочь князя Саргылана. Это было давно, тысячу лет назад, но в тайге до сих пор не было девушки красивее ее. Полюбил красавицу юный охотник Чюлаургаз, и Саргылана полюбила юного охотника. Но старый князь не отпустил Саргылану в вергу Чюлаургаз, потому что тот был всего лишь бедный охотник.

Пожаловался княжиза на свою судьбу добрым духам Большого озера. И те сказали, что превратят ее в болото лебедя, и пусть она летит туда, где кончается тайга и тундра. Там живет поганель всех добрых духов. Только он один сумеет смыгнуть сердце старого князя. Но Чюлаургаз

гас ничего не должен знать, иначе духи будут беснаться.

Побежала Саргылана к юному охотнику, сказала, чтобы не искал он ее две луны и не охотился в это время на болотах лебедя. Чюлаургаз пообещал и стал ждать девицу. Прошла луна, вторая на исходе, а девицы все нет.

Однажды на заре бродил Чюлаургаз по тайге и увидел высоко в небе белого лебедя, такого прекрасного, какого никогда еще не видел. Забыл охотник о своем обещании и поднял лук. Запела стрела, рванулась в поднебесье и пронзала сердце птицы. И тут услышала Чюлаургаз предсмертную песь лебедя. А когда побежала он к поверженной птице, увидел, что лежит на земле его Саргылана и в сердце — стрела.

Много лет прожизил Чюлаургаз, но не было в тайге человека неслестнее его. И духи Большого озера сказали, что всякий, кто услышит последнюю песь лебедя, будет так же несчастен...

Тюгонин умолк на минуту, поглядя на небо, куда улетела стрела, и добавил:

— С тех пор никто в тайге не бьет лебедя. И умою, стрелы руки и гады на серо-свинцовую, в черных рябиных галды озера Лебединого.

К ночи мы вернулись домой, в маленький таежный поселок. Нужно было идти к местному учителю, у которого я остановился, но Тюгонин пригласил зайти к нему на стакан чаю. Я согласился с удовольствием и привитовался было послушать еще несколько тяжелых легенд. Но старик молчал.

Расходящийся ветер с хрустом перебрался драку на крыше избушки, потрескивая помысь в пещи, хлопотая котолом, куда охотник высванд, едва ли не подливая чаю. А у меня не выходило из головы лебединая песь, которую услышала тысячу лет назад юный Чюлаургаз.

— Неужели и правда не бьют здесь лебедя! Неужели так молва в тайге сила древних поверий!

— Значит, так и не поива! — усмехнулся Тюгонин. — Эх ты, городской житель...

— Так в чем же дело, объясните... — возмущался я.

— Объясню... Старик помолчал, подбирая слова. — Не бьют лебедя, это правда. Но Саргылана и предсмертная песь здесь, конечно, ни при чем. Легенда, что красивая сказка, не больше. Но жизнь еще красивее, и красоту в жизни ценить и беречь надо. Видел ты птицу красивее лебедя? Нет, не видел. У кого же поднимется рука на нее! У настоящего охотника никогда не поднимется. А ты сидишь там, у озера, просто смотришь скатываться за ружье. Не оставишь и тебя — крепко мучила бы совесть, что зря такую красоту загубил...

Бе беречь надо. Так-то!

И снова умою старый Тюгонин. А в думла о людях, тайги, суравки, хмурых, неразговорчивых людях, которые так хорошо умеют понимать и ценить прекрасное.

зашел к своему другу Геze и застал его за сочинением стихов.

— Увидел меня, он спрятал рукопись. Я спросил, что он пишет. Он ответил: стихов больше, которые надо сдать в прачечную. Однако под огнем моих перекрестных вопросов он признался, что работает над пьесой в стихах. Если бы я услышал, что Геza построил из спичек здание парламента, я ни капли не удивился бы, но то, что он работает над пьесой, ошеломило меня.

— Как называется?

— «Ромео и Джульетта», — опустил глаза, ответил Геza.

— Если я не ошибаюсь, кто-то уже написал пьесу с подобным названием — так точно провалился и пьесы автора об особой чувствительности поэтов.

— Знаю, но Шекспир написал только пять актов, а я дописал еще два-три действия... Райн Хедикс.

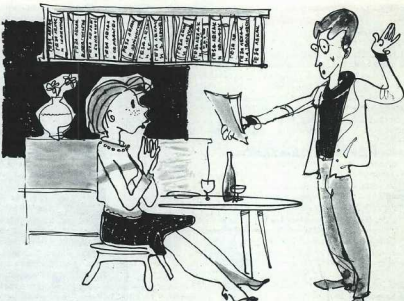
Геza видел, что я ни слова не понял из его объяснений, и часотвордечно привнес:

— Я обручен с Хедикс. Я люблю ее и женюсь на ней. Мы познакомились в библиотеке. Хедикс очень любит читать. Тогда она славала «Красное и черное» Стендала. Мы разговорились, и Хедикс со слезами на глазах спросила у меня, не знаю ли я о том, как сложилась дальнейшая жизнь Матильды де ла Моль и мадам Реуваль. Она уже несколько ночей не спит, все думает о них и гадает: что с ними могло произойти после окончания романа? Хедикс — девушка с чувствительным сердцем — если кого полюбит, не может легко расстаться. Я узнал, что она уже писала умоляющие письма Льву Толстому, Диккенсу и Гомэну Роллану с просьбой, чтобы они продолжили свои романы, но ни один писатель почему-то не ответил. Я пожелал Хедикс и рыцарем завязать продолжить роман Стендала. Бумажка, перо и чернила дома были, почему же не продолжить? Три месяца я работал над романом, затем Хедикс пришла ко мне, и я прочел ей продолжение «Красного и черного». Награда не заставила себя ждать: я получил посылку. С тех пор я писал вместе со многими интелектуалами, был советником Монассина, Ажаева и Драйверта. Сейчас я пишу «Ромео и Джульетту»: Хедикс

ко оплакала молодых, а теперь хочет знать, что случилось с другими действующими лицами: вдовой, отцом Лоренцо, первым, вторым, третьим мюзантам и так далее и так далее... Все я и пишу пьесой, седьмой и восьмой акты об их дальнейшей жизни. Отец Лоренцо бросит орден и женится на лане Джульетты. Они будут жить счастливо и умрут в глубокой старости. Все семьи так сдружатся, что организуют общий хор и по воскресеньям на главной площади Вероны будут давать бесплатные концерты. Два старика — Монтеки и Капулетти — каждый вечер будут играть в карты. Интересно, правда?

— Очень, — кивнул я. — А потом?

— Хедикс тоже спросила бы

Двердь МИКЕШ
Рисунок В. НЕДОГОНОВА

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

так, — ответил Геza. — Не знаю пока, что с ними будет. Зависит от моего времени и настроения. Может, доведу историю двух семей до наших дней, может, при удобном случае отравлю их. Но придется быть очень внимательным, чтобы никто в это время не отсутствовал и все получили свою долю зла. Ведь если даже судомойка спасется, я вынужден буду продолжать пьесу... А теперь послушай, а прочту тебе несколько готовых сцен...

Напрасно я протестовал, Геza написал усадьи меня в кресло и дражидом голосом начал:

— Ромео и Джульетта. Авторы — Геza Лехак и Вильям Шекспир...

Перевела с венгерского Е. ТУМАРИНА

Наш зимний конкурс

Дорогие читатели! Приглашаем вас и ваших друзей — любителей шахмат принять участие в конкурсе решений задач, которые публикуются в этом номере журнала.

Участникам конкурса предлагается разобрать и найти решения трех композиций, различных по темам и по степени трудности. Максимальная возможная сумма очков — 12.

Те из вас, кто пришлет наиболее полные и правильные ответы, будут объявлены победителями конкурса и получат специальные дипломы «Смена».

Редакция и жюри просит читателей делить на конверте пометку «На шахматный конкурс «Смена» и, кроме фамилии, имени, отчества, сообщать свой возраст, род занятий и домашний адрес.

Срок отправления писем на конкурс — 31 декабря 1964 года.

№ 1
Белые начинают и дают мат в два хода (3 очка).

№ 2
Белые начинают и дают мат в три хода (4 очка).

№ 3
Во сколько ходов белые быстрее всего дают мат? (5 очков).

Читайте в «Смене» — с № 1 1965 года —

фантастическую

повесть

японского

писателя

АБЭ КОБО

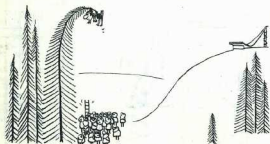
„ЧЕТВЕРТЫЙ ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД“

ПОИТИКОГО ДЕТЯ

С детства не терплю усмешек по моему адресу. Именно поэтому вот уже пять лет стараюсь уколоть друзей. И еще как! Через печать, открыто... Это создает у меня всегда превосходное настроение: недаром же говорят, что смех — это здоровье. В конечном счете смех идет мне на пользу. Впрочем, в это лето мне было совсем не до шуток: защищал диплом в Вильямской художественном институте. Теперь диплом за плечами, и можно вернуться к своему излюбленному делу.

ФРИДРИКАС САМУКАС

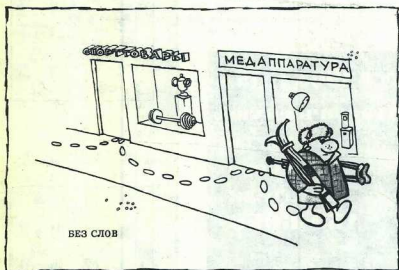
БЕЗ СЛОВ

У ВЛЕНСЯ

— БРАТЦЫ, ЗА ЧТО?

БЕЗ СЛОВ

БЕЗ СЛОВ

Иллюстрации выполнены по рисункам Фридрикаса Самукаса
и опубликованы в журнале «Сатира и юмор» № 11 1964 г.

Фото В. ТИХОНЕН

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ.

Москва, А-47, Бумажный пр., 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ.

Для справок — Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Б 3-31-55; отдел очарья и публицистики — Д 3-31-03; международной связи — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-30-87; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-68; информации — Д 3-31-88; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редколлегия: К. К. Андреев, Е. А. Долматовский, К. И. Замошкин, Е. И. Иванов (заместитель главного редактора), Р. Ф. Казюков, Б. П. Кравецкий (ответственный секретарь), А. С. Кузнецов, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление О. Безухова.
Технический редактор Н. Будкина.

А 00518

Подписано и печатно 20/XI 1964 г.

Тираж 1 200 000.

Изд. № 2104.

Заказ № 3185.

Формат бумаги 70x100¹/₄.

2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КЕРАМИКИ

Текст и фото В. ТЮККЕЛА

ороят: «Не боги горшки обжигают». Да, не боги, а люди... Но, собственно, обжигают горшки? И так ли это интересно и важно? В быту мы пользуемся металлической посудой, изделиями из стекла, пластика, а глиняный горшок нам вроде ни к чему. И все же... Вот керамический нефтяный сепаратор охристого цвета, архаичные, нарочито упрощенные формы. А это оливокового цвета кувшин для молока с тяжелой поливной стемпкой. Цветочная ваза, форма которой совершенна, как математическая кривая. Красиво, не правда ли? Красиво и оригинально.

А все это рофине братья и сестры печного горшка. Значит, рано садятся горшки и прочие глиняные изделия в музей археологии, если не место и в нашем быту. Керамика — это и современно и модно.

Слово «керамика» означает любое изделие из глины (от греческого «керамон» — глина) — от драгоценного фарфора до обыкновенного кирпича. Но в более узком смысле этим словом мы обозначаем художественные изделия из цветных гончарных глин.

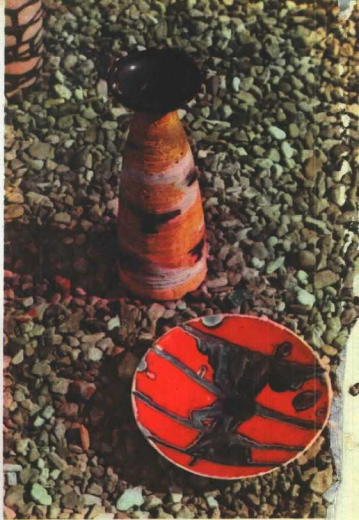
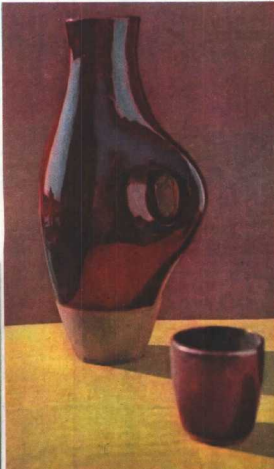
Эта керамика самая древняя (гончарная круг изобретена в IV тысячелетии до нашей эры, а фарфор лишь в V—VI вв. нашей эры). Производство керамики расцветало везде, где были удобные глины. И до сих пор керамическое производство держится своих традиционных старинных мест. Хорошую керамику делают и в Занкавье, и в Узбекистане, и на Украине, и в Прибалтике, и на Руси издревле на Рязанщине — в Скопине, под Москвой — в Гжели.

Та керамика, о которой у нас идет речь, — возрожденное и расцветавшее в наши дни старое искусство, но создают его уже не умельцы-гончары, а современные скульпторы-керамисты.

Предположим, вы скульптор-керамист, так называемый малоформист. Вы создали нечто либо интересное вещь. Ее принял художественный совет и рекомендовал в производство. Дальше модель попадет на керамический завод, где она будет тиражироваться.

Обоименная незарисованная глина называется «терракота» (дословно — обожженная земля), у нее приятный матовый цвет. Некоторые вещи специально оставляют в терракоте, не подвергая раскраске.

Но большинство выпускаемых вещей покрывается цветной глазурью и имеет народ-

ный, декоративно-яркий вид. Это майлика. Глазурованные вещи обжигаются в печах при высокой температуре до 1200°. После обжига они остывают два дня и только тогда вынимаются из печи.

Несколько лет назад считалось, что керамическая скульптура должна быть малогабаритным вариантом крупной скульптуры, разве что подвешенной и глазурованной. Другой крайностью было стремление к символистической тематике. Появились разные зверушки и птицы: зайчики, мышки, ослики, дрозды, скворцы — целый зоопарк.

Понятель проявил равнодушие к настольным скульптурам и к керамическому зоопарку; он предпочел «взлетку» истинно русскую цветастую глиняную игрушку.

От скульпторов стали требовать большей стилизации, учета традиций народной керамики, а также современных форм. Это принесло свои плоды — появились интересные народные вещи. Некоторые из них вы видите на этих фотографиях.

Керамика пользуется большой популярностью. Древнее искусство возродилось в наши дни.